

Александр Самойлович Мартынов

(наст. имя и фам.

Саул Самуилович Пикер (Пиккер))

12 (24) .12.1865, Пинск, — 05.06.1935, Москва

https://www.hrono.ru/biograf/bio_m/martynovas.php

Библиотека
Исторические МАтериалы
<https://istmat.org/>

Vive Liberta
<https://istmat.org/vive-liberta>

Россійская Соціалъдемократическая Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Мартыновъ

Р 20
К 661

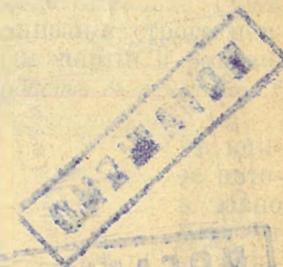
801-90
10413-1

Двѣ диктатуры.

„Ceux qui font les révolutions à demi ne font que creuser leurs tombeaux“. — Saint-Juste.

„Тѣ, кто дѣлають революціи на половину, лишь роютъ себѣ могилу“. Сен-Жюсть.

Издание Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.



ЖЕНЕВА.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1905.

миѣ не нужно было бы для ихъ оцѣнки прибавить ни одного слова къ тому, что Марксъ сказалъ по адресу фракціи Виллиха-Шаппера, отдѣлившейся въ 48 году отъ Коммунистическаго Союза: „Союзъ коммунистовъ былъ не заговорщическое общество, а общество, которое тайно занималось организаціей пролетарской партіи... Само собой разумѣется, что такое тайное общество, которое ставитъ себѣ цѣлью *образованіе не правительственной, а оппозиціонной партіи будущаго*, представляетъ мало привлекательнаго для тѣхъ господъ, которые, съ одной стороны, скрываютъ свое ничтожество подѣ театральнѣй мантией конспираціи, съ другой стороны, удовлетворяютъ свое ограниченное честолюбіе въ первый день ближайшей революціи, для которыхъ на первомъ планѣ важно играть роль въ данную минуту, получить долю изъ демагогической добычи и быть привѣтствованными демократическими базарными крикунами“¹⁾.

Библиотека
Исторические МАТериалы
<https://istmat.org/>

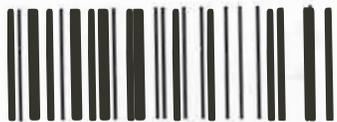
Vive Liberta
<https://istmat.org/vive-liberta>

¹⁾ См. К. Маркс. Enthüllungen über d. Kommunisten-Prozess zu Köln. s. 55, 56.

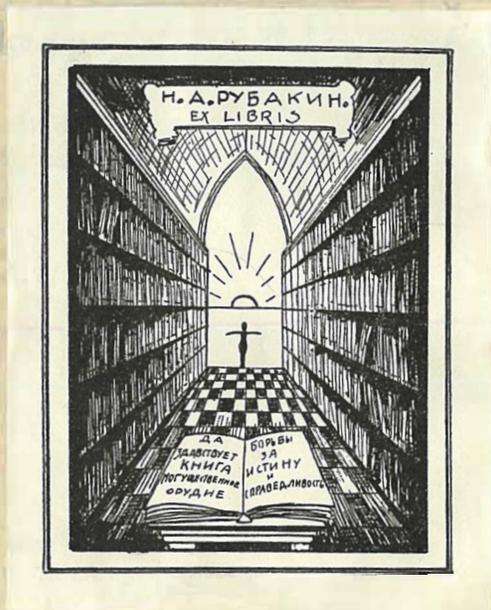
Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Глава 1. Въмѣсто предисловія. Ортодоксальное якобинство. Примиреніе Энгельса съ Ткачевымъ	3
„ 2. Диктатура общественнаго спасенія. Спасители буржуазнаго общества — санкюлоты становятся его врагами.	16
„ 3. Гора и Жиронда. Якобинцы въ оппозиціи. Якобинцы у власти.	26
„ 4. Отъ народнаго самодержавія къ цезаризму	40
„ 5. Диктатура пролетаріата и диктатура санкюлотовъ. Соціалдемократы и якобинцы. Историческій ублюдокъ	48
„ 6. Національная проблема русскаго пролетаріата	55





2022527136



Библиотека
Исторические МАТериалы
<https://istmat.org/>

Vive Liberta
<https://istmat.org/vive-liberta>



Кч 100

1. Вмѣсто предисловія.

Ортодоксальное якобинство. Примиреніе Энгельса съ Ткачевымъ.

„Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата сознаваго свои классовые интересы, это и есть революціонный социальдемократъ...“¹⁾

Это *ложное* положеніе есть болѣе или менѣе *отрицательное* отраженіе тенденцій цѣлой полосы нашего партійнаго развитія, тенденцій, типичнымъ выразителемъ которыхъ былъ и остался Ленинъ.

Читатели „Искры“, вѣроятно, помнятъ еще пресловутое письмо „окаменѣлыхъ“ представителей уральскихъ комитетовъ. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорится: „И надо сказать не только о Россіи, но и о всемірномъ пролетаріатѣ, что ему необходимо готовить (кого?) и *подготовляться къ полученію(!)* сильной, властной организаціи. Безъ... властной... организаціи онъ не сможетъ управлять, не сможетъ использовать въ своихъ цѣляхъ власть, которая — уже не долго ждать этого — попадетъ въ его распоряженіе (которая уже попадала въ его распоряженіе въ февральскіе дни(?) въ Парижѣ)... Подготовка пролетаріата къ диктатурѣ — такая важная организаціонная(!) задача, что ей (этой организаціонной задачѣ?) должны быть подчинены всѣ прочія... Можно возразить, что диктаторы(!) являлись и являются сами собою. Но такъ не всегда бывало... Тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ... вопросъ объ организаціи, строго централизованной, ... способной идти впереди партіи и руководить ея ближайшею задачею — *а она совпадаетъ съ конечною...*“ и т. д.

Въ этомъ курьезномъ разсужденіи заслуживаетъ вниманія одна мысль, и именно потому, что это мысль не авторовъ, а чужая. Здѣсь явно воскрешается давнымъ давно похороненная теорія Народной Воли о „захватѣ власти“ и даже о совпаденіи ближайшей русской революціи съ социалистической. Передо мною лежитъ рукопись, написанная въ декабрѣ 1903 года однимъ понынѣ виднымъ партійнымъ работникомъ. Авторъ этой рукописи высказывается въ томъ

¹⁾ См. Ленинъ. Шагъ впередъ, два шага назадъ стр. 140.

же смыслъ: „Пораженіе современной политической власти“, пишетъ онъ, „и хотя бы временный захватъ ея — наша ближайшая цѣль... Вооруженное народное возстаніе должно опредѣлять характеръ и формы нашего движенія“... Затѣмъ авторъ обстоятельно излагаетъ техническій планъ организаціи возстанія, который, какъ будто, скопированъ съ программы „подготовительной работы партіи“, помѣщенной въ Календаръ Народной Воли. Эти мысли, повидимому, еще недавно были довольно распространены въ нашей партіи, и намъ не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что ихъ первоисточникомъ былъ Ленинъ, который и до сихъ поръ отъ нихъ не отказывается. Правда, Ленинъ въ такой недвусмысленной и категорической формѣ еще не высказывался о „захватѣ власти“ и диктатурѣ, по это объясняется тѣмъ, что онъ еще не справился окончательно со своими марксистскими предубѣдками и потому придерживался мудраго правила: So was that mann, so was sagt mann nicht (такія вещи дѣлаютъ, о такихъ вещахъ не говорятъ).

„Надо мечтать!“ писалъ Ленинъ, прячась за Писарева.¹⁾ Мечтать никому не возбраняется. Но, на бѣду, мечты Ленина были яacobинскія, и потому онъ сплошь и рядомъ въ марксистскую форму вкладывалъ не марксистское содержаніе. Приведу два примѣра, которые въ нѣсколько другой связи уже разбирались въ нашей партійной литературѣ.

1) Плехановъ ополчился на „экономистовъ“ за то, что они принимаютъ роль сознанія въ движеніи, за то, что они, пдя къ пролетариату, приспосаблиются къ его отсталымъ словамъ, что они, по выраженію Маркса, смотрятъ „на заднюю его“, что они превращаютъ марксизмъ въ ту самую карриатуру, которую изъ него дѣлали народники. Ленинъ подхватилъ этотъ боевой лозунгъ („хвостизмъ“). Но, увлеченный своей яacobинской мечтой, онъ истолковалъ его въ томъ смыслѣ, что „о самостоятельно самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи“, что у рабочихъ „и быть не могло сознанія непримиримой противоположности ихъ интересовъ всему современному...“ строю“, что „теоретическое ученіе социальдемократіи возникло совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“, что социальдемократическое сознаніе „могло быть принесено только изъ-внѣ“, что, принося социализмъ рабочимъ, мы должны также „внести классовую борьбу(!) въ деревню“.²⁾ Такимъ образомъ, Ленинъ, защищая „ортодоксальный марксизмъ“, очутился одной ногой въ лагерьъ его заклятыхъ враговъ, за что въ свое время и заслужилъ въ литературѣ похвалу „социалистовъ-рево-

¹⁾ Ленинъ. Что дѣлать? 132.

²⁾ Ibid. стр. 71.

люціонеровъ“.¹⁾ Онъ сталъ на точку зрѣнія „субъективной школы социологін“, или, точнѣе говоря, на точку зрѣнія до марковского материализма, оборотной стороной котораго является историческій идеализмъ. „Главный недостатокъ материализма — до фейербаховскаго включительно,“ писалъ Марксъ въ 45 году, „состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ, лишь въ формѣ объекта, или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно. Поэтому дѣятельную сторону, въ противоположность материализму, развивалъ до силъ поръ идеализмъ, по развивалъ отвлеченно... Фейербахъ хочетъ имѣть съ конкретными объектами, дѣйствительно отличными отъ объектовъ, существующихъ лишь въ нашихъ мысляхъ. Но онъ не доходитъ до взглядовъ на человѣческую дѣятельность, какъ на предметную дѣятельность. Вотъ почему... онъ разсматриваетъ какъ истинно человѣческую дѣятельность только теоретическую, между тѣмъ, какъ практика понимается и изображается тамъ лишь въ грязно-жидовской формѣ своего проявленія“. Ленинъ совершенно также „понималъ и изображалъ“ стихійную „практику“ рабочаго класса „лишь въ грязно-жидовской формѣ ея проявленія“, лишь въ формѣ „трэд-юніонизма“, борьбы „за копейку“, а главную добродѣтель пролетариата онъ видѣлъ въ „пролетарской дисциплинѣ“, понимаемой не въ высокомъ, социальдемократическомъ смыслѣ этого слова, а въ смыслѣ фабричномъ, казарменномъ, въ смыслѣ готовности „подчиняться“ партійному центру (пока, конечно, „непогрѣшимый“ ортодоксъ Ленинъ сидитъ въ этомъ „центрѣ“). Это, какъ Плехановъ выразился, теоретическое „грѣхонаденіе“ Ленина, несомнѣнно объясняется его практическими яacobинскими тенденціями: Марксизмъ считаетъ социальдемократію авангардомъ пролетариата въ томъ смыслѣ, что она, вооруженная научнымъ знаніемъ, способна далеко заглядывать въ будущее, и, благодаря этому, можетъ ускорять неизбежное развитіе классового самосознанія и классовой самостоятельности пролетариата. Яacobинецъ²⁾ же считаетъ „профессиональныхъ революціонеровъ“ революціоннымъ авангардомъ въ томъ смыслѣ, что они своими примѣромъ увлекаютъ за собою толпу, лишленную самостоятельныхъ тенденцій къ историческому развитію и такъ дѣ-

¹⁾ См. Эволюцію русской социалистической мысли. Оттискъ изъ 3 № В. Р. Р. Социалисты-революціонеры въ этой статьѣ упрекаютъ Ленина, что онъ ихъ перешагивалъ. Онъ оказался plus royaliste que le roi lui même.

²⁾ Для пониманія дальнѣйшаго я считаю нужнымъ отмѣтить, что я говорю здѣсь не о яacobинцахъ эпохи Конвента, а объ ихъ эпигонахъ, яacobинцахъ-заговорщикахъ, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всегда представляли карриатуру на великихъ яacobинцевъ.

лаютъ исторію. Разъ человѣкъ сталъ на такую точку зрѣнія, онъ долженъ для защиты своей тактики изобрѣсть идеалистическую теорію „героя и толпы“, хотя бы марксизмъ былъ его официальнымъ исповѣданіемъ.

И Аксельродъ предостерегалъ „экономистовъ“, что ихъ тредъ-юнионистская тактика „чисто рабочаго“ движенія грозитъ „изолировать“ пролетаріатъ и превратить его въ орудіе буржуазныхъ партій; онъ объявлялъ имъ, что самостоятельная политика рабочаго класса и его классовое сознание могутъ развиваться только въ постоянномъ соприкосновеніи съ другими общественными теченіями, что пролетаріатъ только такимъ образомъ можетъ стать авангардомъ освободительнаго движенія. Ленинъ подхватилъ этотъ марксистскій лозунгъ и перекроилъ его на якобинскій ладъ, т. е. искалъ его. „Этотъ фактъ (полемика группы Свободы. М.)“, пишетъ онъ, „далъ еще и еще подтвержденіе замѣчательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который *буквально предсказалъ* эти результаты социалъдемократическихъ шапталій еще въ концѣ 97 г. („Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ“) и набросалъ свои знаменитыя „двѣ перспективы“. Всѣ послѣдующіе споры и разногласія между русскими социалъдемократами заключаются уже, какъ растеніе въ сѣмячкѣ, въ этихъ „двухъ перспективахъ.“¹⁾ Когда Ленинъ писалъ эти строки, онъ еще не подозрѣвалъ, въ какую изъ этихъ двухъ перспективъ Аксельродъ умѣститъ его дѣятельность. Аксельродъ ему это объяснилъ въ своихъ не менѣе замѣчательныхъ фельетонахъ въ 55 и 57 №№ Искры. Но съ того момента, какъ Аксельродъ сказалъ Ленину: „De te, autem, fabula narratur!“ (п о тебѣ сказка сказывается!), Ленинъ обидѣлся, пересталъ считать его „замѣчательно прозорливымъ“ человѣкомъ, обругалъ его „нехорошими словами“ (почтеннѣйшій оппортунистъ), хотя не нашелъ до сихъ поръ ни одного слова для возраженія. Почему же съ Ленинымъ случилось такой, можно сказать, „пассажъ“? Потому что онъ любилъ „помечтать“, потому что онъ подходилъ къ марксистски построеннымъ перспективамъ Аксельрода съ „задней мыслью“ якобинца. „Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ уже трудно понять эту удивительно хитрую механику?“, восклицаетъ Ленинъ. „Неужели П. Б. Аксельродъ не твердитъ уже вотъ съ 1897 года: „задачи пріобрѣтенія русскими социалъдемократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ пропагандистской дѣятельности въ средѣ самаго пролетаріата“ (курс. мой)²⁾. „Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ уже трудно

понять эту удивительно хитрую механику?“ А вотъ Ленинъ ее не понялъ и до сихъ поръ не понимаетъ. Аксельродъ ясно и категорически утверждалъ, что социалъдемократы должны „прежде всего и главнымъ образомъ“ своей пропагандой и агитаціей привлечь *пролетаріатъ* откликаться на всѣ общественыя событія, и вмѣшиваться въ движеніе *всѣхъ классовъ*, основательно рассчитывая, что эта политическая „самодѣятельность“ пролетаріата, послужитъ *практической школой* его классоваго воспитанія и выдвинетъ его на историческую авансцену. Ленинъ же, съ своей якобинской точки зрѣнія, толковалъ эту тактику въ самомъ извращенномъ смыслѣ. „Чтобы *принести рабочимъ* политическое знаніе“, пишетъ онъ, „социалъдемократы должны идти во всѣ классы населенія, должны разсылать во всѣ стороны отряды своей арміи“¹⁾. „Идти во всѣ классы населенія мы должны и въ качествѣ теоретиковъ, и въ качествѣ пропагандистовъ, и въ качествѣ организаторовъ“²⁾. Мы должны „одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ“, „диктовать для нихъ положительную программу дѣйствій“³⁾. Такимъ способомъ Ленинъ предполагалъ привлечь пролетаріату союзниковъ среди „всѣхъ и всяческихъ“ либераловъ, включая „предводителей дворянства“. Нисколько не смущаясь марксистскимъ предразсудкомъ о неизбежномъ антагонизмѣ разныхъ группъ и классовъ, борющихся съ самодержавіемъ, Ленинъ мечталъ „организовать такую всестороннюю политическую борьбу подъ руководствомъ нашей партіи, чтобы послѣднюю помощь этой борьбѣ могли оказывать и *действительно стали оказывать всѣ* (значитъ, *примѣрно, и Шиповы!* М.) и *всякіе* оппозиціонные слои“⁴⁾. Такъ Ленинъ понялъ „хитрую механику“ Аксельрода: „Профессиональные революціонеры“ будутъ собирать медь со всѣхъ цвѣточковъ и потомъ приносить его въ готовомъ видѣ „рабочимъ пчеламъ“. Но можетъ ли медь такимъ искусственнымъ способомъ приготовляться, будетъ ли это подлинный медъ, а не деготь? Этотъ вопросъ Ленинъ предусмотрѣлъ: „Но... въ чемъ же выразится тогда классовый характеръ нашего движенія? — спросить и спрашиваетъ уже насъ усердный не по разуму поклонникъ „тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой“. Да вотъ именно въ томъ, что *организуемъ эти всенародныя отличія мы, социалъдемократы*; — въ томъ, что освѣщеніе всѣхъ поднимаемыхъ агитаціей вопросовъ будетъ даваться въ неуклонно социалъдемократическомъ духѣ безъ всякихъ потачекъ умысленнымъ и неумысленнымъ искаженіямъ марк-

1) Ibid. стр. 59.

2) Ibid. стр. 61, (курсивъ мой)

3) Ibid. стр. 61.

4) Ibid. стр. 64.

1) См. Ленинъ. „Что дѣлать?“ стр. 57.

2) Ibid стр. 69.

сиама; въ томъ, что вести эту всестороннюю агитацію будетъ партія (Н. В.! въ ленинскомъ смыслѣ слово партія: „мы сумѣемъ составъ членовъ такой организаціи до участія въ ней такъихъ только членовъ, которые профессионально занимаются революціонной дѣятельностью“¹⁾), соединяющая въ одно неразрывное цѣлое и натискъ на правительство и революціонное воспитаніе пролетаріата на ряду съ охраной его политической самостоятельности (Н.В! въ ленинскомъ смыслѣ слова, т. е. „внѣшней охраной“. М.) и руководство экономической борьбой рабочаго класса, *утилизацию* тѣхъ стихійныхъ столкновеній его съ его эксплуататорами, которыя поднимаютъ и привлекаютъ въ нашъ лагерь новые и новые слои пролетаріата!“²⁾ Какъ видно изъ этой тирады, въ представленіи Ленина классовый характеръ нашего движенія долженъ выражаться *только* въ томъ, что стоящая въ его главѣ кучка „профессиональныхъ революціонеровъ“ будетъ вести литературную борьбу противъ критиковъ марксизма. Помимо этого, движеніе будетъ носить исключительно общедемократическій характеръ; помимо этого въ немъ не будетъ ни одного атома политической борьбы пролетаріата съ другими классами, т. е. настоящей классовой борьбы, ибо „столкновенія рабочихъ съ эксплуататорами“ сами по себѣ еще только трэдыюнистская борьба; *утилизировать* же ее для превращенія въ классовую борьбу съ буржуазіей, Ленинъ и не думаетъ; да это и невозможно по его оригинальной „теоріи“. Таковъ „планъ“ Ленина. Но это и есть то самое, что Аксельродъ изображалъ въ своемъ фельетонѣ въ 55 № „Искры“, это и есть революціонное буржуазно-демократическое движеніе подъ флагомъ марксизма. Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что Аксельродъ помѣстилъ Ленина не въ ту изъ его „двухъ знаменитыхъ перспективъ“, въ которую тотъ хотѣлъ попасть.

И въ данномъ случаѣ Ленинъ „превратно толковалъ“ Аксельрода только потому, что онъ задался цѣлью „незаконной связью“ сочетать марксизмъ съ якобинствомъ. Заговорщикъ-якобинецъ „на все готовъ“, по выраженію незабвеннаго генералъ-губернатора Закревскаго, ибо онъ „все можетъ“. Почему же Ленину не удастся въ обществѣ съ формирующейся классовой борьбой, въ обществѣ, имѣющемъ за собою опытъ развитой классовой борьбы передовыхъ европейскихъ странъ, заставить „*всѣ и всячески*“ оппозиціонные слои свести свою политическую дѣятельность къ „посильной помощи“ социальдемократіи? Въ дѣйствительности, это „воображаемое всемогущество“ социальдемократической партіи накануне буржуазной революціи означало только бѣдность ея

¹⁾ Ibid, стр. 64.
²⁾ Ibid, стр. 68.

классоваго, социальдемократическаго содержанія. Въ дѣйствительности, мы видѣли въ послѣдніе мѣсяцы политической „весны“, что какъ только выступили наружу настоящія *классовыя*, самостоятельныя движенія буржуазіи, мечты о превращеніи ихъ въ простой привѣсокъ къ нашей заговорщической организаціи „профессиональныхъ революціонеровъ“, оказались „безмысленными мечтами“, а „воображаемое всемогущество“ *такой* организаціи, оказалось только оборотной стороной ея *фактическаго* безсилія оказать *классовое* давленіе на буржуазію. Въ дѣйствительности, мы видѣли еще гораздо раньше, какъ нашъ „могущественный“ Ленинъ, сулившій море зажечь, тѣшилса кукольной игрой въ конвентикъ, въ дѣйствительности, мы видѣли, какъ онъ и его присные величественно разрушали гидру еще нигдѣ и никогда неслыханнаго „организаціоннаго оппортионизма“ путемъ глубокомысленныхъ діаграммъ и „пантаграммъ“, путемъ пресловутыхъ „списковъ“ и даже каррикатуръ, не замѣчая, что въ это самое время море народное дѣйствительно зашевелилось, но, конечно, совершенно независимо отъ ихъ упражненій. На фонѣ разрастающейся классовой борьбы якобинская „гегемонія“ Ленина уподобилась „гегемоніи“ Попрыщина...

Wer A sagt, muss auch B sagen. Кто на якобинскій ладъ перекраиваетъ отношеніе социальдемократіи къ рабочему классу, кто на якобинскій взглядъ перекраиваетъ теорію взаимоотношенія социальдемократіи къ либеральной демократіи, тотъ долженъ соотвѣтственно перекроить и теорію революціи. Въ самомъ дѣлѣ, Ленинъ не только пришелъ логически къ якобинскому плану революціи; онъ несомнѣнно во всѣхъ своихъ поправкахъ къ марксизму исходилъ изъ этого плана; въ этомъ планѣ несомнѣнно заключался „гвоздь“ ленинизма, его „мечта“. „Организація, складывающаяся сама собой вокругъ этой газеты“, пишетъ онъ въ „Что дѣлать?“, организація ея *сотрудниковъ* (въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всѣхъ трудящихся надъ ней) будетъ именно готова *на все*, начиная отъ спасенія чести, престижа и ответственности партіи въ моменты наибольшаго революціоннаго „угнетенія“ и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ *всенароднаго вооруженнаго возстанія*¹⁾. Итакъ, Ленинъ „мечталъ“ построить такую организацію, которая будетъ „готова на все“, „кончая подготовкой, назначеніемъ (!) и проведеніемъ всенароднаго вооруженнаго возстанія“. Само собой разумѣется, что мы обязаны готовиться къ народному возстанію. Но международная социальдемократія, на основаніи историческаго опыта и научнаго анализа динамики общественныхъ силъ, всегда признавала, что только дворцовые перевороты и пропунціamento (военные перевороты) могутъ быть заранѣе

¹⁾ Ibid стр. 136, курсивъ автора.

назначены и проведены съ успѣхомъ по заранѣе заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народная революція, т. е., перевороты въ общественныхъ отношеніяхъ, а только перетасовки въ правящей клинкѣ. Соціалдемократія всюду и всегда признавала, что народная революція не можетъ быть заранѣе назначена, что она не изготовляется искусственно, а сама совершается. Заговорщики-якобинцы, напротивъ того, исходя изъ теоріи „увлеченія народа своимъ примѣромъ“, всегда мечтали о совершеніи народныхъ революцій по методу дворцовыхъ переворотовъ. Соответственно съ разницей во взглядахъ соціалдемократовъ и якобинцевъ на ходъ народной революціи, различаются ихъ взгляды на ея подготовку. Съ точки зрѣнія соціалдемократіи, содѣйствовать развитію классового сознанія пролетаріата и его классовой борьбы во всемъ ея объемѣ, значитъ *тѣмъ самымъ скорѣе* всего приблизить моментъ народной революціи, значитъ *тѣмъ самымъ* лучше всего подготовиться къ ея исползованію; техническая-же подготовка демонстрацій и возстаній, хотя необходимость ея и выдвигается въ извѣстные моменты, играетъ для насъ, во всякомъ случаѣ, совершенно второстепенную, подчиненную роль. Съ якобинской точки зрѣнія послѣдовательнаго ученика Ленина, котораго я цитировалъ въ началѣ главы, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: „Вооруженное возстаніе должно *опредѣлить характеръ и формы нашего движенія*“. Подъ этой якобинской формулой *принципально* могъ бы подписаться любой буржуазный революціонеръ и любой изъ нашихъ „соц.-революціонеровъ“.

Якобинскій планъ возстанія неразрывно связанъ съ якобинской теоріей захвата власти и якобинской революціонной диктатурой. Захватъ власти и диктатура *въ ближайшей революціи* составляли цѣль дѣятельности всѣхъ заговорщиковъ-якобинцевъ. Мы видѣли въ началѣ главы, что наиболѣе послѣдовательные ученики Ленина въ этомъ же видѣли ближайшую цѣль нашей соціалдемократіи. Самъ Ленинъ *открыто*, т. е. въ литературѣ, еще не высказывался о захватѣ власти и диктатурѣ. Но онъ *не можетъ* отвергать этой цѣли, не отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ указанныхъ выше положеній, которыя логически ведутъ къ ней; онъ не можетъ отъ нея отказаться, не отказываясь въ то же время отъ всѣхъ специфическихъ чертъ своего политическаго міровоззрѣнія, т. е. отъ самого себя¹⁾.

Представьте себѣ, читатель, на минуту осуществленіе ленинской утопіи. Представьте себѣ, что партіи, составъ членовъ которой суженъ до участія въ ней только профессиональныхъ революціонеровъ²⁾ удалось „подготовить, назна-

¹⁾ Не случайно Ленинъ перепечаталъ цитированное письмо уральскихъ представителей, безъ всякихъ критическихъ замѣчаній.

²⁾ Ленинъ. „Что дѣлать?“, стр. 94.

чить и провести всенародное вооруженное возстаніе“. Не очевидно ли, что всенародная воля *назначила бы* сейчасъ же послѣ революціи именно эту партію временнымъ правительствомъ? Не очевидно ли, что народъ именно этой партіи, а не какой-нибудь другой, вручилъ бы ближайшую судьбу революціи? Не очевидно ли, что эта партія, не желая обмануть оказаннаго ему раньше народомъ довѣрія, вынуждена была бы, *обязана* была бы взять въ свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочитъ революціонными мѣрами торжество революціи?

„Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавашаго свои классовые интересы — это и есть революціонный соціалдемократъ“ говоритъ Ленинъ. Тотъ, кто соглашался бы съ этимъ общимъ положеніемъ Ленина, долженъ былъ бы послѣдовательно сргласиться и 1) съ его якобинской теоріей объ отношеніи сознательности къ стихійности и 2) съ его якобинской теоріей гегемоніи *организаціи профессиональныхъ революціонеровъ* надъ всеми оппозиционными движеніями, и 3) съ его якобинскимъ планомъ организаціи партіи¹⁾, и 4) съ его якобинскимъ планомъ подготовленія возстанія, и, конецъ вѣчаетъ дѣло, 5) съ революціонной диктатурой въ ближайшей революціи, съ „хотя бы временнымъ захватомъ власти“. Все это звенья одной и той же логической цѣпи, заканчивающейся захватомъ власти.

Въ 1874 году извѣстный русскій якобинецъ Ткачевъ опубликовалъ „Открытое письмо къ Фридриху Энгельсу“, въ которомъ онъ упрекалъ Энгельса въ „невѣжествѣ“, въ отсутствіи даже „малѣйшихъ свѣдѣній о Россіи“. Въ этомъ письмѣ Ткачевъ защищалъ свою теорію возстанія и захвата власти. Онъ доказывалъ въ немъ, что „нужно только разбудить одновременно во многихъ мѣстахъ накопленное чувство озлобленія и недовольства... всегда кипящее въ груди нашего народа“. „Тогда соединеніе революціонныхъ силъ произойдетъ уже *само собой*, а борьба... должна будетъ окончиться благопріятно для народнаго дѣла“. „Практическая необходимость, инстинктъ самосохраненія“ создадутъ уже самп собой „тѣсный и неразрывный союзъ между протестующими общинами“. Въ отвѣтъ на это Энгельсъ помѣстилъ статью въ Volkstaat'ѣ, которая *впервые* разрушаетъ народническіе предрасудки насчетъ исключительности условій общественнаго развитія Россіи, которая *впервые* даетъ правильный анализъ социальныхъ отношеній въ тогдашней Россіи. Въ этомъ

¹⁾ О якобинскомъ планѣ организаціи партіи я здѣсь ничего не говорилъ. Чтобы не остаться въ долгу передъ читателями, и ихъ отсылаю къ моей статьѣ „Соціалдемократическія побѣды и буржуазно-демократическіе реванши“, отгискъ изъ „Зари“, стр. 50, 1. Критически изображенная тамъ Марксомъ якобинская бакунистско-ткачевская организація Алльянса есть *совершенно точный* прообразъ ленинскаго „организаціоннаго плана“.

письмъ Энгельсъ между прочимъ пишетъ по поводу якобинскихъ плановъ Ткачева: „Болѣ легкой и пріятной революціи невозможно себѣ представить. Стоитъ только одно-временно ударить въ трехъ четырехъ мѣстахъ, а тамъ „инстинктивный революціонеръ“, „практическая необходимость“ уже сами собой сдѣлаютъ все остальное. Просто непонятно, какъ это при такой неимовѣрной легкости революція дарно уже не сдѣлана, народъ не освобожденъ и Россія не превращена въ образцовую страну социализма... А потомъ... *если бы*¹⁾ даже мы представили себѣ, что революцію можно сдѣлать на заказъ, какъ кусокъ узорчатаго ситца или чайникъ, — даже допустивши все это, я спрашиваю: *дозволи-тельно ли человеку, пережившему двѣнадцатилѣтній возрастъ, имѣть до такой степени ребяческое представление о ходѣ революціи*²⁾, какое мы сейчасъ видѣли? И подумать только, что это написано послѣ блистательнѣйшаго крушенія въ 1873 году въ Испаніи первой, подготовленной по бакунинскому образцу, революціи. Тамъ тоже сразу ударили въ нѣсколькихъ мѣстахъ“³⁾.

Со времени перваго столкновенія между марксистомъ и якобинцемъ по вопросу о русской революціи, прошло тридцать лѣтъ. И вотъ, появляется человекъ, которому, наконецъ, удается примирить Энгельса съ Ткачевымъ, создавши новую разновидность марксизма—*ортодоксальное якобинство*. Мы видѣли, какъ Ленинъ въ интересахъ этого примиренія испарялъ Плеханова и Аксельрода примѣнительно къ Ткачеву. Для этой же цѣли опъ исправилъ Ткачева примѣнительно къ социалъдемократіи. „Подготовленная проповѣдь Ткачева и осуществленная посредствомъ „устрашающаго“ и дѣйствительно устраившаго террора, попытка захватить власть была величественна“⁴⁾, говоритъ Ленинъ въ „Что дѣлать?“ Мы считаемъ величественной террористическую борьбу „Народной Воли“ съ абсолютизмомъ. Что же касается пхъ „попытки захватить власть“ и такимъ способомъ совершить социальную революцію, то мы, вслѣдъ за Энгельсомъ, полагаемъ, что это была наивная, утопическая мечта. Ленинъ же именно „попытку захватить власть“ называетъ величественной. Онъ, правда, понимаетъ, и тутъ же говоритъ, что „исторія не повторяется“; но говорить это только по поводу стремленія Надеждина рабски копировать техническіе приемы ткачистовъ, по поводу надеждинскаго „экецитативнаго террора“. Ленинъ понимаетъ, что теперь Ткачева можно спасти, только, обработавши его „подъ социалъдемократію“. Чтобы убѣдиться, однако, что „величественный“ планъ возстанія

Ленина отъ этой „обработки“ нисколько не сталъ умнѣе „величественнаго“ плана Ткачева, достаточно прочесть слѣдующія строки изъ его пресловутаго „Письма къ товарищу“: „Наладить, организовать дѣло быстрой и правильной передачи литературы, листовъ, прокламацій и пр., приучить къ этому цѣлую сотню агентовъ, это значитъ сдѣлать *большую* половину дѣла по подготовкѣ въ будущемъ демонстраціи или возстанія“¹⁾. Для упрощенія дѣла, можно было бы заполучить гдѣ-нибудь большой кушъ (изъ числа „всякихъ и всяческихъ“ либераловъ найдется одинъ богатый жертвователь), на эти деньги можно было бы нанять „сотню агентовъ“, приучить ихъ къ разметкѣ прокламацій и „большая половина дѣла для подготовки демонстраціи или возстанія сдѣлана“. Какъ это до Ленина никто не догадался такимъ способомъ „назначить“ всенародное возстаніе? Такъ „мечталъ“ Ленинъ, и мнѣ достовѣрно извѣстно, что, когда онъ писалъ свое „письмо къ товарищу“, онъ уже „пережилъ двѣнадцатилѣтній возрастъ“, мнѣ даже извѣстно, что онъ человекъ весьма умный...

Собственно говоря, въ томъ фактѣ, что наканунѣ буржуазной революціи появляется такая разновидность марксизма, какъ „ортодоксальное якобинство“, ничего удивительнаго нѣтъ, какъ ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что въ это же время появилась такая разновидность социализма, какъ „социалисты-революціонеры“. Гораздо удивительнѣе, что „ортодоксальный якобинецъ“ игралъ такую видную роль въ социалъдемократической партіи, въ рядахъ которой имѣются выдающіеся и испытанные теоретики марксизма. Но это, если не оправдывается, то объясняется совершенной исключительностью условій, въ которой находилась наша партія въ моментъ образованія искровской организаціи: во-первыхъ, необходимо бороться съ экономизмомъ, принижавшимъ задачи партіи; во-вторыхъ, необходимо возложить на себя еще, такъ сказать, сверхсмѣтную задачу. Для того, чтобы у насъ, наканунѣ буржуазной революціи, стала возможной социалъдемократическая работа въ полномъ смыслѣ этого слова, необходимо было, чтобы существовало сколько-нибудь явное оппозиціонное или революціонное движеніе въ буржуазныхъ классахъ, необходимо было, чтобы существовало общедемократическое революціонное движеніе. Экономисты слишкомъ робко вели общедемократическую работу даже въ средѣ пролетариата. Правда, рабочее движеніе, самымъ фактомъ своего существованія, пробуждало буржуазную демократію и ободряло ее на борьбу съ абсолютизмомъ. Но наканунѣ февральскихъ и мартовскихъ событій 901 года, въ моментъ образованія организаціи

¹⁾ См. Ленинъ. Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ, стр. 11. Курсивъ автора.

¹⁾ Курсивъ автора.

²⁾ Курсивъ мой. М.

³⁾ Библ. Совр. Соц. Фридрихъ Энгельсъ о Россіи, стр. 17—18.

⁴⁾ См. Ленинъ „Что дѣлать?“ стр. 133.

„Искры“, это пробужденіе шло очень медленно, и движеніе буржуазной демократіи проявлялось еще въ самыхъ зачаточныхъ формахъ. Надо было форсировать, ускорить его развитіе. Поэтому социалъдемократическая революціонная интеллигенція должна была возложить на себя задачу, которая, строго говоря, составляетъ историческую миссію буржуазныхъ революціонеровъ. Искровцы, наряду со своей критической марксистской кампаніей, взяли на себя и эту работу. Въ этомъ не грѣхъ ихъ, а историческая заслуга. Это свидѣтельствовало только объ ихъ политическомъ смыслѣ. Но грѣхъ заключался въ томъ, что они, увлекшись этой очередной задачей, въ значительной степени исказили социалъдемократическія перспективы движенія, и соблазнились фантастическими, яacobинскими перспективами; грѣхъ заключался въ томъ, что они, увлеченные очередной задачей, не ясно видѣли, а потому и не говорили прямо: мы пока въ сущности выполняемъ на практикѣ необходимую, но все же лишь общедемократическую, революціонную работу. Грѣхъ заключался въ томъ, что они неизбѣжный для того времени дефектъ незрѣлаго движенія возводили въ квинтэссенцію революціоннаго социализма, укрѣпляя, такимъ образомъ, принципиальные предразсудки. Грѣхъ заключался, словомъ, въ томъ, что именно ленинизмъ составлялъ преобладающую ноту стараго искровскаго паправленія въ партійной практикѣ.

Какъ бы тамъ ни было, та самая историческая стихія, которая не разъ уже „шутила“ надъ нами, которая окрасила на моментъ нашу социалъдемократію въ яacobинскій цвѣтъ, подъ конецъ, вывезла и стала придавать нашему движенію свойственную ему настоящую социалъдемократическую окраску: съ одной стороны, ортодоксальное яacobинство „въ борьбѣ за существованіе“ быстро развилось до своего логическаго... абсурда; съ другой стороны, общественная жизнь въ Россіи быстро накопляла элементы, необходимые для социалъдемократическаго движенія въ полномъ смыслѣ этого слова; поэтому, въ концѣ концовъ для всѣхъ зрѣлыхъ членовъ партіи ясно стало, что „ортодоксальное яacobинство“ есть вредный, и ничѣмъ не оправдываемый историческій анахронизмъ. Новое доказательство того, что стихійный историческій процессъ идетъ „по Марксу“, хотя и черезъ пень колоду, поскольку онъ не освѣщается, или недостаточно освѣщается, свѣтомъ сознанія.

Однако, не смотря на то, что наше движеніе „выпрямляется“, грѣхи прошлаго еще въ значительной степени надъ нами тяготеютъ: ленинизмъ не только не хочетъ умереть; онъ даже пытается возродиться къ новой жизни. И какъ знать? Можетъ быть Ленину, освободившемуся отъ стѣснительнаго сообщества ортодоксальныхъ марксистовъ, удастся наловить, отчасти въ „окаменѣлыхъ“ слояхъ партіи, отчасти

на сторонѣ, людей для образованія, хотя бы жалкаго подобія „очищенной“ яacobинской партіи?

Redeunt Saturnia regna,
Alter erit tum Tiphus,
Altera quae vexat Argo
Delectas herosas.¹⁾

Воскресіе „аргонавты“ выступаютъ въ походъ противъ социалъдемократіи. Но огромное зло, которое „ортодоксальное яacobинство“, въ лицѣ Ленина и ленинистовъ, принесло нашему движенію, еще достаточно свѣжо въ нашей памяти. Поэтому, надо надѣяться, что социалъдемократія заблаговременно позаботится о томъ, чтобы „аргонавты“ далеко не ушли впередъ. Я указалъ на то, что неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ всякаго рода яacobинства и въ концѣ всякаго яacobинства является идея революціонной диктатуры въ ближайшей революціи. Несомнѣнно, что эта заманчивая идея смутно рисовалась воображенію наиболѣе рьяныхъ, смѣлыхъ и послѣдовательныхъ „учениковъ“ Ленина. Несомнѣнно, что эта мечта „окрыляла“ и самого Ленина. Разрушите эту „мечту“ о революціонной диктатурѣ въ ближайшей революціи, и вмѣстѣ съ ней неизбѣжно разрушится и яacobинскій планъ подготовки возстанія, и яacobинскій методъ завоеванія гегемоніи, и вся вообще карточная постройка Ленина. Въ полномъ убѣжденіи, что разрушеніе „карточныхъ построекъ“ облегчитъ дѣйствительное строеніе нашей партіи, мы займемся здѣсь обстоятельно вопросомъ о диктатурѣ.

Мы постараемся выяснитъ, что такое настоящая революціонная диктатура а не „уральская“ диктатура *каковы необходимыя условія осуществленія революціонной диктатуры, и должна ли российская социалъдемократія готовиться къ ней въ предстоящей буржуазной революціи.* Я предупреждаю читателя, что намъ придется прежде всего сдѣлать длинную историческую экскурсію; намъ придется подробно остановиться на исторіи диктатуры эпохи Конвента (отъ 10 августа 1792 г. до 9 Термидора 1794 г.), потому что это единственный классическій примѣръ революціонной диктатуры, потому что въ этой исторіи черпали себѣ вдохновеніе яacobинцы всѣхъ временъ и народовъ, потому что до сихъ поръ, при сужденіи объ этой эпохѣ, смутные революціонные образы слишкомъ часто замѣняютъ ясныя революціонныя идеи.

Когда Бланки, еще студентомъ, въ іюльскіе дни, возвращаясь съ баррикаднаго боя, зашелъ въ салонъ дѣвицы Мон-

¹⁾ Возвращается царство Сатурна,
Вновь потечетъ Тифусъ,
Вновь на корабль Арго
Поплывутъ избранные герои.

гольфѣ, онъ воскликнулъ съ чувствомъ глубокаго удвѣленія: „Enfoncés, les Romantiques!“ (романтики раздавлены!). Нашъ ортодоксальный якобинецъ Ленинъ, говоритъ: „Надо мечтать!“ Нѣтъ, многоуважаемый Ленинъ, надо не „мечтать“, а мыслить, и мыслить *честно*. А для того чтобы „мечтатели“ не затемняли нашихъ мыслей, нужно безпощадно разрушать романтическія иллюзіи.

2. Диктатура общественнаго спасенія. Спасители буржуазнаго общества — санкюты становятся его врагами ¹⁾.

Въ чемъ была суть революціонной диктатуры эпохи Конвента, въ чемъ вообще суть революціонной диктатуры? Она заключается въ томъ, что общественный классъ, завоевавшій политическую власть, возводитъ революціонные методы борьбы въ норму общественныхъ отношеній, возводитъ революцію во временный законъ; это осадное положеніе новаго общества противъ реакціонныхъ посягательствъ стараго. Для того, чтобы новое общество готово было поддерживать это осадное положеніе, для того, чтобы оно не усматривало въ немъ тираннію, необходимо, чтобы верховные интересы революціи, скрѣпляющіе его желѣзнымъ кольцомъ отодвинули на задній планъ все то, что способно его разъединить, необходимо, чтобы у всего новаго общества была, по выраженію Робеспьера, „одна воля“, необходимо, чтобы оно считало осадное положеніе средствомъ для окончательной ликвидаціи всякихъ классовыхъ противорѣчій, искупительной цѣной социальнаго мира. Такъ смотрѣла на революціонную диктатуру первоначально французская буржуазная демократія. Марксъ по поводу французской революціи пи-

¹⁾ Анализъ эпохи Конвента мной сдѣланъ на основаніи исторій Мишле, Олара и, главнымъ образомъ, на основаніи новѣйшей и наиболѣе богатой матеріалами исторіи французской революціи Жореса: — I. La Constituante, II. La Legislative, III, IV. La Convention. Кстати будетъ отмѣтить здѣсь, что въ эти исторіи совершенно не въ состояніи были объяснить историческій смыслъ этой эпохи и, особенно, причину борьбы между Горой и Жирондой, Эмпирикъ Тэнъ видитъ причину въ „заклоченіи“ Великой Революціи въ „классицизмъ“, въ пристрастіи XVIII вѣка къ абстрактнымъ формуламъ. Прекраснодушный Мишле объясняетъ драматизмъ эпохи столкновеніемъ принципа справедливости, который создалъ революцію съ принципомъ „общественнаго спасенія“, который ее погубилъ. Оларъ, какъ истинный профессоръ, глубокомысленно объясняетъ причину борьбы между Горой и Жирондой чисто частнымъ, „случайнымъ“ явленіемъ антагонизмомъ между Парижемъ и провинціей. Жоресъ рѣшаетъ вопросъ еще проще, съ точки зрѣнія, „республиканскаго блока“. Онъ поучаетъ Маркса, что „кромѣ (!) борьбы классовъ есть еще борьба партій“. Борьба Горы и Жиронды объясняется, по его мнѣнію, мелочностью, партійнымъ духомъ, драгами. Истинно гениальныя указанія на смыслъ эпохи Конвента встрѣчаются у Маркса, въ его сочиненіяхъ середины 40 хъ гг.

салъ въ 43 году въ „Критикѣ гегелевской философіи права“: Такая революція основана на томъ, что „нѣвѣстный классъ исходя изъ своего особаго положенія предпринимаетъ освобожденіе всего общества... Ни одинъ классъ буржуазнаго общества не можетъ играть этой роли безъ того, чтобы не вызвать въ себѣ и въ массѣ энтузіазма, безъ того, чтобы не *побрататься, не слиться и не слѣпиться съ обществомъ въ цѣломъ*, безъ того, чтобы не чувствовать себя и не быть признаннымъ его общимъ представителемъ... безъ того, чтобы не быть дѣйствительно его социальной головой и его социальнымъ сердцемъ. Только во имя общихъ правъ общества особый классъ можетъ требовать себѣ всеобщаго господства“.

Въ положеніи такого общественнаго класса было несомнѣнно „третье сословіе“, которое провозгласило себя „единой и нераздѣльной націей“, провозгласило *свое* собраніе Национальнымъ Собраніемъ. Другія сословія, по скольку они съ нимъ не слились, оно устами Сіеиса объявило „враждебными націями“. И это отождествленіе себя съ націей не было лицемѣрной фразой. Стихийный процессъ федерированія, охватившій всѣ французскія коммуны и стянувшій федератовъ въ Парижъ въ годовщину взятія Бастиліи, наглядно демонстрировалъ единство національнаго сознанія новаго французскаго общества, несмотря на зародыши новыхъ классовыхъ антагонизмовъ. Демократическая организація правленія на основаніи первой конституціи, выборность всѣхъ административныхъ и судебныхъ должностей, достаточно свѣдѣтельствуешь о томъ, насколько буржуазное общество тогда не сознавало необходимости въ орудіяхъ подавленія низшихъ классовъ. Правда, отношеніе новаго общества къ возставшимъ рабамъ въ С.-Доминго, его страхи за собственность при уничтоженіи феодализма вполне обнаружили его фактически буржуазный характеръ, но тотъ фактъ, что Конституанта въ своей „Декларациі правъ“ въ принципѣ уничтожила феодализмъ и рабство, тотъ фактъ, что она настаивала противъ воли короля, чтобы эта декларация была помѣщена во главѣ конституціи, доказываетъ, что она вначалѣ въ своемъ сознаніи отождествляла свои буржуазные интересы съ интересами общечеловѣческимъ. Указываютъ на то, что Конституанта ¹⁾ раздѣлила гражданъ на „активныхъ“ и „пассивныхъ“: по проекту Сіеиса „только тѣ, которые содѣйствуютъ публичному устройству, суть настоящіе акціонеры великаго общественнаго предпріятія“. Но это ограниченіе избирательнаго права мотивировалось тѣмъ, что надо обладать „хоть какою нибудь“ собственностью, чтобы быть „независимымъ“, что

¹⁾ Конституанта — Учредительное Собраніе, образовавшееся изъ созданныхъ въ 1789 году Генеральныхъ Штатовъ (представители трехъ сословій Франціи).

„французскій народъ старъ и развращенъ“ (Петіонъ), а когда этотъ „народъ“ сталъ обнаруживать на дѣлѣ „независимость“ своимъ осмысленнымъ участіемъ въ революціи, буржуазные муниципалитеты самовольно понижали оцѣнку трехдневной платы, опредѣлявшей избирательный цензъ. Указываютъ на то, что Конституанта закономъ 19-го іюня 91 года лишила рабочихъ права стачекъ. Но она усматривала въ этомъ правѣ нарушение „Деклараци“, возстановленіе новыхъ сословныхъ организацій. Мотивы эти тогда казались настолько справедливыми, что ни якобинцы, ни сами рабочіе во время террора, когда они были у власти, ни даже Бабефъ¹⁾, не думали протестовать противъ этого закона. Еслибъ Конституанта имѣла въ виду этимъ раздавить силу пролетаріата, она бы не допустила раздачи оружія рабочимъ, она не дала бы народу такой свободы слова и собраній, къ которой современные буржуа навѣрно примѣнили бы эпитетъ „безграничная“. Только въ мартѣ 93 года комиссары Конвента въ Ліонѣ впервые употребляютъ выраженіе „буржуазное правительство“ въ примѣненіи къ тамошнему муниципалитету, впервые констатируютъ дѣленіе общества на два класса; но это для нихъ открытіе, и оно внушаетъ имъ сильныя опасенія: они видятъ въ этомъ „повомъ явленіи“ угрозу единой и нераздѣльной республикѣ. Въ началѣ же періода диктатуры Дантонъ, стоявшій въ то время въ центрѣ революціоннаго движенія, несомнѣнно правильно отражалъ сознаніе большинства Конвента, когда говорилъ: „Въ республикѣ не можетъ быть партій, могутъ быть только страсти, которыя прячутся... можетъ существовать только сочетаніе мелкихъ и жалкихъ интригъ“.

Если тѣсное единеніе революціонной Франціи сдѣлало возможной революціонную диктатуру, то коалиція внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ сдѣлала ее необходимой. Слова Сіейса оправдались: двѣ націи стали другъ противъ друга. На одной сторонѣ — революціонная Франція, превратившаяся въ военный лагерь; на другой — французскій дворъ, лицемѣрный и измѣнническій, аристократы эмигранты, неприсягнувшіе конституціи священники, предатели генералы (Дюмурье), Австрія, Англія, вандейскіе крестьяне и т. д.

Смертельная опасность, угрожавшая со всѣхъ сторонъ новому общественному строю Франціи, сдѣлала лозунгъ революціонной диктатуры — *salus public* (общественное спасеніе) его верховнымъ принципомъ. Но *salus public*, какъ верховный принципъ, означаетъ полное подчиненіе части

¹⁾ Бабефъ, бывшій якобинецъ, въ 1797 году организовалъ заговоръ „равныхъ“, въ цѣляхъ возстанія для захвата власти и осуществленія равенства, которое онъ, въ отличіе отъ якобинцевъ 1793 г., связывалъ съ коммунизмомъ.

цѣлому, гражданскихъ интересовъ интересамъ гражданина, буржуазнаго общества народному суверенитету. Если требовалась достаточная мѣра національнаго единенія, для того чтобы новое общество согласилось пойти добровольно подъ иго диктатуры „общественнаго спасенія“, то, обратно, диктатура послужила пробнымъ камнемъ для этого единенія. Но тутъ-то, при этомъ испытаніи обнаружилось, что *fraternité* (братство) было иллюзіей медовыхъ мѣсяцевъ буржуазнаго общества, п горькой проницей звучалъ поцѣлуй Ламурета въ разгаръ вражды Горы съ Жирондой¹⁾. Диктатура „общественнаго спасенія“, ликвидируя старый общественный строй, впервые вскрыла классовыя противорѣчія въ новомъ и форсировала ихъ развитіе; а когда обнаружили эти противорѣчія, неразрѣшимыя на почвѣ буржуазнаго общества, никакія насильственныя мѣры не способны были ихъ искоренить: эти мѣры ускорили только паденіе революціонной диктатуры, а за одно и республики. Благодаря этому, диктатура „общественнаго спасенія“, если отвлечься отъ ея огромнаго моральнаго эффекта и отъ ея богатаго идейнаго наслѣдства, изъ всей своей обширной программы успѣла только осуществить одно — она спасла Францію отъ военнаго разгрома, закрѣпила и углубила ужеранѣе совершившуюся революцію въ имущественныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ.

Эра диктатуры открылась выступленіемъ на революціонную авансцену санкюлотовъ,²⁾ какъ соціального слоя, она открылась борьбой Горы съ Жирондой, какъ политическихъ партій. Парижская коммуна санкціонировала новую эру двухчленной формулой: „четвертый годъ свободы, первый годъ равенства“. Все это были уже знаменія новыхъ классовыхъ антагонизмовъ.

Сначала все обстояло сравнительно благополучно для буржуазнаго общества. Санкюлоты, т. е. мелкая буржуазія и пролетаріатъ, не впервые показались на его политическомъ горизонтѣ. Ихъ вмѣшательство имѣло рѣшающее значеніе во всѣ критическіе моменты Великой Революціи. Вѣрный инстинктъ подсказалъ санкюлотамъ 14-го Іюля необходимость взятія Бастиліи, которое сдѣлало буржуазную революцію народной, вызвало крестьянское возстаніе и привело къ ликвидаціи феодализма 4 Августа³⁾ Революціонный инстинктъ подсказалъ имъ 6 октября 89 г. походъ на Вер-

¹⁾ Послѣ рѣчи Ламурета (одного изъ членовъ Конвента) враждующія фракціи Конвента бросились другъ къ другу въ объятія.

²⁾ Названіе санкюлотовъ относилось къ тѣмъ, кто не носилъ принятыхъ въ аристократіи короткихъ (до колѣнъ) панталонъ (*cullottes*) и отсюда было перенесено вообще на демократовъ, носившихъ длинныя брюки американскаго образца.

³⁾ 4 августа (1789) въ засѣданіи Учредительнаго Собранія отмѣнены всѣ привилегіи дворянской и церковной собственности.

саль, который заставил короля принять конституцію и сдѣлалъ его плѣнникомъ Парижа, хотя сознательно санкюлоты тогда еще вполне вѣрили „доброму королю“ и хотѣли лишь физическимъ давленіемъ вернуть его на правый путь; санкюлоты же своей манифестаціей 20 іюня 92 г. дали первое серьезное предостереженіе королю, написавши на своихъ знаменахъ: „народъ, утомленный страданіями хочетъ полной свободы или смерти“, „свободные и санкюлоты, мы сохранили хотя жалкіе остатки равенства“. Ихъ возстаніе 10 Августа 92 г. рѣшило судьбу монархіи и открыло эру Конвента, наконецъ, они же 31 мая 93 г. раздавили Жиронду... Но, вмѣшиваясь въ ходъ событій, санкюлоты до 10 Августа 92 г. (начало Конвента и диктатуры Парижской коммуны) и даже до 31 Мая 93 г. (начало господства Горы) выступали не какъ противники остальной части буржуазнаго общества, а, напротивъ, какъ наиболѣе ярые защитники ея принциповъ. Санкюлоты вначалѣ отличались отъ остальной части буржуазнаго общества только тѣмъ, что вкладывали въ принципы буржуазной революціи болѣе глубокое социальное содержаніе. Депутація, принесшая Конвенту петицію 8 февраля 93 г., лучше всего излагаетъ мотивы санкюлотскаго движенія въ первое время диктатуры: „Мы, болѣе справедливые, не будемъ защищать дѣло тирана, а дѣло всего человечества противъ тирана. Мы требуемъ наказанія Людовика во имя существъ, задушенныхъ въ зародышѣ тяжелой работой и нуждой въ царствѣ угнетенія; мы требуемъ его наказанія во имя тѣхъ, которые, со времени восшествія его на престолъ, были принесены въ жертву роскоши и расточительности его двора, во имя патриотовъ, павшихъ въ колоніяхъ подъ мечомъ контръ-революціонеровъ, во имя замученныхъ въ тюрьмахъ до 89 г., во имя всѣхъ умершихъ въ ночлежныхъ пріютахъ и больницахъ, благодаря небрежности и злоупотребленіямъ его царствованія, во имя тѣхъ несчастныхъ солдатъ, которыми онъ себя окружилъ во дворцѣ 9 августа, которыхъ онъ напоилъ виномъ и отдалъ въ жертву народному гнѣву, во имя нашихъ братьевъ, умершихъ въ войнѣ за свободу... во имя вдовъ и сиротъ, которыхъ его измѣна лишила поддержки“...

Застарѣлыя социальныя обиды и новый, широкій, ничѣмъ не затуманенный политическій горизонтъ тѣсно связали санкюлотовъ съ буржуазной революціей; они же воодушевили ихъ на защиту буржуазной республики. Съ первыхъ же дней Конвента санкюлоты ввалили на себя добровольно все тяжелое бремя ея спасенія. Добровольцы-санкюлоты составляли $\frac{2}{3}$ полуторампліонной арміи, сражавшейся за свободу на границахъ Франціи и въ Вандеѣ¹⁾; и эти люди, только

¹⁾ Возстаніе Вандеи (1793) въ защиту королевской власти и духовенства

что оторванные отъ прилавка или станка, не только должны были сражаться съ внѣшнимъ врагомъ. Военная система „амальгамы“ была рассчитана на то, что энтузіазмъ добровольчества старыхъ солдатъ, проникнутыхъ еще роялистическими традиціями. Они должны были обучать революціонистовъ, которые ихъ обучали военному искусству. Но и тѣ, которые остались дома, не менѣе рьяно работали на спасеніе республики. Послѣ 10 Августа 92 г. санкюлоты стали господами Парижской коммуны, а послѣ 31 Мая 93 г. господами всѣхъ французскихъ коммунъ и на этихъ санкюлотскихъ коммунахъ совместно съ санкюлотскими „народными обществами“ лежала огромная работа всей полиціи безопасности и благосостоянія страны. Въ самое критическое время они должны были повсемѣстно вести агитацію, заботиться о народномъ продовольствіи, о снабженіи арміи припасами и т. д. Санкюлоты вполне отождествили свои частные интересы съ интересами „цѣлаго“, съ интересами государства. Но по мѣрѣ того, какъ они превращали революцію, такъ сказать, въ свою отвѣтственную служебную обязанность, у нихъ исчезала прежняя политическая безпечность и простодушіе. Они посвящали себя республикѣ, а за ихъ спиной злая воля роялистовъ или эгоизмъ „модерантистовъ“ готовилъ ея гибель. Надо съ этимъ основательно покончить. На этой почвѣ возникла „безликая диктатура“ Парижской санкюлотской коммуны.

Во имя „своей доли народнаго суверенитета“ Парижская коммуна провела сама или принудила Конвентъ провести первыя мѣры общественной безопасности: король былъ посаженъ въ Тамплъ,¹⁾ учрежденъ былъ „революціонный трибуналъ“, установлена была „паспортная система“ для парижанъ, коммунальныя удостовѣренія „цивичности“²⁾, закрыты были роялистическія и фейльскія³⁾ газеты, печатные станки были розданы патриотамъ... Это было первое временное нарушение буржуазной „Декларации правъ“ во имя „salus publicae“: но, во-первыхъ, это не было направлено противъ того, что въ Декларации было буржуазнаго по преимуществу — противъ собственности; во-вторыхъ, это не задѣвало тѣхъ патриотовъ-буржуа, которые, по выраженію Марата, стояли „подъ защитой своей добродѣтели“.

Но логика санкюлотской диктатуры привела и къ другому вызвало кровопролитную съ обѣихъ сторонъ борьбу. Возставшіе были крестьяне самой отсталой изъ французскихъ провинцій, въ которой до Революціи отношенія между крестьянами и мѣстнымъ дворянствомъ были наиболѣе патриархальныя.

¹⁾ Тюремная башня въ Парижѣ.

²⁾ Свидѣтельство о революціонной благонадежности.

³⁾ Фейльяны — партія умѣренныхъ конституціоналистовъ, главнымъ образомъ дворянъ.

рода мѣрамъ. „Бѣдный“, говорилъ прокуроръ Парижской коммуны Шометтъ¹⁾, „сдѣлалъ революцію въ той же мѣрѣ и еще въ большей, чѣмъ богатый, а приобрѣлъ онъ въ революціи только право жаловаться на свою бѣдность“. Санкюлоты отдали себя на службу революціи, но, чтобы служить революціи, надо жить, и санкюлоты стали осаждать Конвентъ требованіями обезпеченія продовольствія и принятія чрезвычайныхъ мѣръ противъ барышничества. И въ этихъ требованіяхъ не было посягательства на принципъ собственности. Даже значительно позже, наканунѣ паденія Жиронды, санкюлотская секція Эпископства, руководившая возстаніемъ 31 мая, постановила: „Собственность находится подъ защитой санкюлотовъ; посягающіе на нее падутъ подъ мечомъ закона; санкюлоты будутъ защищать ее до смерти“. Однако эти увѣренія были недостаточно успокоительны для буржуазіи. „Тѣ, которые имѣютъ оружіе, имѣютъ хлѣбъ“, а санкюлоты, имѣвшіе оружіе, стали претендовать, по словамъ Шометта, „не только на предметы первой, но и на предметы второй необходимости“. Естественно, что буржуазные классы всполошились.

Ничтожный фактъ — агитация эмиссара Парижской коммуны Моморо въ Нормандіи въ пользу пополненія „Декларации Правъ“, въ пользу разграниченія между индустриальной собственностью и тѣмъ, что „ложно называется земельной собственностью“ — послужилъ достаточнымъ поводомъ для взрыва негодованія въ Жирондѣ. И Гора, и Парижская коммуна, и масса санкюлотовъ одинаково рѣзко осуждали рѣчи Момороа. Тѣмъ не менѣе жирондистъ Бриссо въ своемъ органѣ „Patriote français“ забилъ тревогу, что всѣ они стремятся къ анархіи, къ введенію „аграрнаго закона“ (тогдашнее обычное обозначеніе понятія социальной революціи). Тутъ то вспомнились и другіе грѣхи санкюлотовъ: они не только посягаютъ де на собственность, они посягнули на „самое цѣнное благо — на свободу и личную неприкосновенность“. Однако же и жирондисты посягали на это цѣнное благо, но не для спасенія буржуазной республики, а для спасенія буржуазныхъ капиталовъ. Жирондистъ Бюзо первый провелъ въ Конвентѣ законъ, нарушившій свободу печати, угрожающій смертью авторамъ статей противъ собственности; жирондисты первые посягнули на неприкосновенность депутатовъ своей попыткой послать на эшафотъ Марата и Робеспьера; жирондистъ Иснаръ угрожалъ даже истребленіемъ всему Парижу; наконецъ, они же первые были виновниками политическихъ убійствъ (убійство патріота Шалье въ Лі-

¹⁾ Шометтъ игралъ видную роль въ революціи. Въ 1794 г. былъ казненъ вмѣстѣ съ Эберомъ и др. „Прокуроръ коммуны“ — ея представитель (юрист-консультъ).

онѣ). Жиронда была не въ малой степени виновна въ томъ, что среди санкюлотовъ стали раздаваться голоса: „Пора, чтобы національная бритва прогулялась по Франціи“. Такъ подъ давленіемъ режима „общественнаго спасенія“ стали выступать наружу новые социальные антогонизмы. Прежде общество дѣлилось на патріотовъ и аристократовъ, теперь намѣчалось новое дѣленіе — на санкюлотовъ и *culottes dorées*¹⁾. Прежде въ глазахъ санкюлотовъ подозрительными были только аристократы, теперь становились подозрительными всѣ богатые, какъ „эгоисты“.

Эта первая ссора не разрушила бы еще единства революціонной Франціи, но ссора эта разрасталась, потому что диктатура санкюлотовъ быстро гнала революцію впередъ за ея буржуазные предѣлы. Съ самаго начала 93 г. священникъ Жакъ Ру ведетъ упорную агитацию въ мѣщанскихъ кварталахъ (въ секціи Гравилльеръ) противъ скупщиковъ и барышниковъ съѣстными припасамп. Этотъ основатель партіи „ярыхъ“ („enragés“) недоволенъ, что политика занимаетъ первое мѣсто на революціонной платформѣ; въ его критикѣ того, что дала, или вѣрнѣе того, чего не дала революція, часто прорываются мелко-буржуазныя реакціонныя ноты. Агитация Жака Ру и Варле привела 25 февраля къ бунту, къ разгрому лавокъ и расхищенію хлѣба, сахара и мыла. Знаменательно, что пролетаріи предмѣстія С. Антуана и С. Марсо въ этомъ движеніи не принимали участія. Движеніе это встрѣтило дружный отпоръ администраціи Коммуны, партіи Горы и Конвента. Марать усматривалъ во всемъ этомъ „подлую интригу аристократовъ“. Робеспьеръ говорилъ по этому поводу: „Народъ всегда правъ... но, когда онъ подымается, не долженъ ли онъ имѣть достойную себя цѣль? должны ли его занимать жалкія бакалеи?... Наши враги хотятъ запугать всѣхъ собственниковъ, хотятъ доказать, что наша система свободы и равенства ведетъ къ низверженію всякаго порядка, всякой безопасности. Народъ долженъ возстать не для того, чтобы сахаръ подбирать, а для того, чтобы поражать своихъ злодѣевъ“. Великіе принципы, легшіе въ основаніе буржуазной революціи, служили достаточнымъ оплотомъ противъ узкихъ и реакціонныхъ политическихъ тенденцій движенія „ярыхъ“. Но другая сторона медали Жака Ру — его мелкобуржуазный *социальный* радикализмъ имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ. Въ тогдашнихъ историческихъ условіяхъ дальнѣйшее развитіе революціи конкретно могло вылиться только въ какую-либо форму мелко-буржуазнаго социального радикализма; выборъ той или другой формы зависѣлъ отъ обстоятельствъ, и финансовый кризисъ его предрѣшилъ. Огромный

¹⁾ *Culottes dorées* — брюки, пытая золотомъ. Это выраженіе стало примѣняться къ обозначенію богатой буржуазіи.

выпускъ ассигнатовъ и европейская блокада чрезвычайно понизили ихъ курсъ и соответственно повысили цѣны всѣхъ товаровъ. Санкюлоты приписывали вздорожаніе товаровъ злостной спекуляціи барышниковъ, эгоизму хлѣбныхъ торговцевъ-враговъ революціи. На этой почвѣ стихійно разгорается движеніе противъ барышничества. Пропаганда Жака Ру дала новый, сильный толчекъ этому движенію, которое съ февраля 93 г. сопровождается выставленіемъ опредѣленныхъ требованій санкюлотами: Надо, чтобы коммуна имѣла подробныя свѣдѣнія о хлѣбныхъ запасахъ, надо насильно заставить торговцевъ продавать хлѣбъ въ розницу подъ надзоромъ муниципалитета, надо таксировать хлѣбъ, надо установить maximum. Конвентъ съ большимъ опасеніемъ и недовольствомъ выслушивалъ осаждавшія его депутаціи разныхъ секцій Парижской коммуны: ихъ требованія подрывали принципъ свободной конкуренціи, ихъ требованія угрожали отпаденіемъ отъ революціи значительной части торговаго класса. Но Конвентъ былъ вынужденъ уступить бурному напору санкюлотовъ, а сдѣлавши первый шагъ, онъ долженъ былъ пойти дальше, хотя и противъ воли. За принудительной продажей хлѣба въ Парижѣ, послѣдовало его таксированіе. Но это угрожало интересамъ булочниковъ: пришлось установить прогрессивный налогъ на богатыхъ для вознагражденія булочниковъ. Но провинціи стали роптать противъ привилегій Парижа; пришлось распространить законъ на всю страну, пришлось распространить его на всѣ продукты потребленія.

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ санкюлотовъ Конвентъ пришелъ въ іюнѣ 93 г. почти къ націонализациі всей торговли, а затѣмъ и къ націонализациі Банка. Логика санкюлотской диктатуры превратила на время мелко-буржуазную утопію maximum въ дѣйствительность; вскорѣ она же породила новыя, болѣе смѣлыя и разумныя идеи, но для условій того времени именно онѣ были утопіей — я имѣю въ виду разные практическіе коммунистическіе проекты. Въ Ліонѣ, въ центрѣ промышленнаго развитія и въ колыбели рабочаго движенія Франціи, въ самомъ началѣ революціи стала раздаваться коммунистическая проповѣдь Ланжа (Ланге) — предшественника Фурье, который въ періодъ диктатуры выработалъ проектъ 2-хъ миллиарднаго займа для устройства ассоціацій вродѣ фаланстеръ. Депутатъ рабочій Кюссе предложилъ Конвенту проектъ національнаго продовольствія и національной организаціи булочныхъ. Шометтъ предлагалъ націонализацию фабрикъ, пріостановившихъ производство. Депутація изъ Ниевра предлагаетъ націонализацию лѣсовъ и копей ихъ департамента. Бодо, вполнѣдствіи открытыи врагъ коммунизма Бабефа, вопреки своимъ общимъ взглядамъ, ходомъ событій былъ приведенъ къ заключенію, что

для борьбы съ „эгоистами“, нація должна предъявить имъ угрозу, что она заберетъ въ свое распоряженіе фабрики и сама будетъ заботиться о продовольствіи мастерскихъ.

Такимъ образомъ, послѣ измѣны Тулона, когда политическій терроръ былъ поставленъ на очередь дня, когда Коммуна требовала, чтобы „между измѣнниками и патріотами былъ воздвигнутъ барьеръ вѣчности“, какъ разъ въ это время, диктатура санкюлотовъ привела къ такому экономическому мѣрамъ и идеямъ, которыя по отношенію къ буржуазному обществу являлись системой экономического террора. Санкюлоты, на которыхъ первоначально средняя буржуазія смотрѣла съ полнымъ довѣріемъ, какъ на наиболѣе рьяныхъ защитниковъ буржуазной революціи, самымъ методомъ „общественнаго спасенія“, методомъ революціонной диктатуры безостановочно и непреодолимо тлкались впередъ, куда они не пришли въ противорѣчіе со своей первоначальной цѣлью, въ противорѣчіе съ основнымъ интересамъ буржуазнаго общества. Буржуазія отвѣтила на это контр-революціей въ Ліонѣ, въ Марсели, въ Тулонѣ. Контр-революція была раздавлена Конвентомъ, но это была Пиррова побѣда. Уже одно распространеніе среди санкюлотовъ эбертизма (Эбертъ — редакторъ газеты *Pepe Duchéne*), этой вульгарной и кровавой каррикулы направленія Марата, съ его военщиной и преторіанскими тенденціями, свидѣтельствовало объ упадкѣ эры диктатуры. Описывая политическую жизнь народа въ это время, Сен-Жюсть говоритъ: „Въ народныхъ обществахъ раньше виденъ былъ народъ вмѣстѣ съ его представителями, которые его просвѣщали; но съ тѣхъ поръ, какъ народныя общества переполнились неискренними существами, которыя нахально кричатъ, чтобы ихъ возвысили въ законодатели, въ министры, въ генералы, съ тѣхъ поръ, какъ въ этихъ обществахъ стало слишкомъ много чиновниковъ, слишкомъ мало гражданъ, народъ превратился въ ничто. Не народъ теперь судитъ правительство, а коалиція чиновниковъ, которые соединяютъ свое вліяніе, заставляютъ молчать народъ, устрашаютъ его, разъединяютъ его съ законодателями, которые должны были быть съ нимъ связаны, и развращаютъ общественное мнѣніе...“ Диктатура превратилась въ кошмаръ для буржуазіи. Но будущее принадлежало еще этой буржуазіи и она взяла реваншъ за свое двухгодичное плѣненіе въ веселые дни Директоріи, въ угарѣ спекуляціи, обогащенія, разврата и опьяненія богатствомъ...

3. Гора и Жиронда. Якобинцы въ оппозиціи. Якобинцы у власти.

Первыми пропагандистами режима „общественнаго спасенія“, а впоследствии, съ мая 93 г. и главными его руководителями были якобинцы, или, какъ ихъ называли въ эпоху Конвента, монтаньяры (Гора). Чѣмъ отличались по взглядамъ якобинцы отъ прочей революціонной буржуазіи, почему и какъ они готовили народъ къ диктатурѣ общественнаго спасенія, какъ они руководили этой диктатурой въ эпоху Конвента?

Гора, также какъ и Жиронда, стояла до конца на почвѣ „Декларациі Правъ“ 89—91 г. Знаменитая декларациа признавала двоякаго рода права — „естественныя и непреложныя права человѣка“ и „права гражданина“. Согласно 2 § „Декларациі Правъ“ 89 г. „естественныя и непреложныя права человѣка суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“. Въ сознаніи буржуазіи XVIII в. эти права были „естественныя и непреложныя“ на томъ основаніи, что они будто бы извѣка существовали и предшествовали „общественному договору“. Въ дѣйствительности, *въ данной комбинаціи* они возникли исторически и въ этой комбинаціи они означали не права абстрактнаго человѣка вообще, а права конкретнаго члена буржуазнаго общества, освобожденнаго отъ феодальныхъ путъ и предоставленнаго anarchii конкуренціи. Эти „права человѣка“ были и остались классической формулой *буржуазнаго либерализма*.

„Права гражданина“ въ сознаніи буржуазіи XVIII в., въ отличіе отъ „правъ человѣка“, вытекали изъ общественнаго договора и сводились въ Декларациі 89 года къ слѣдующему: „Начало всякаго суверенитета коренится въ націи... Законъ есть выраженіе общей волп. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ своихъ представителей содѣйствовать ея образованію“. Эти „права гражданина“, по смыслу Декларациі, должны служить исключительно въ качествѣ *гарантіи* „правъ человѣка“. § 2 Декларациі гласитъ: „Цѣль всякаго политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ и непреложныхъ правъ человѣка. Эти права суть свобода, собственность и т. д.“ Если принять во вниманіе эту оговорку, то „права гражданина“ оказываются въ дѣйствительности не результатомъ мнимаго, разъ на всегда установленнаго „общественнаго договора“, а новой политической рамкой для только что исторически возникшаго буржуазнаго общественнаго организма, политической основой единой буржуазной націи, сложившейся на развалинахъ сложныхъ и запутанныхъ феодальныхъ полу-государственныхъ, полу-частно-правовыхъ общественныхъ отношеній. Въ общей связи

Декларациі, *какъ гарантія правъ буржуазнаго человѣка*, „права гражданина“ составляютъ классическую формулу *буржуазной политической демократіи*. Жирондисты были либеральные демократы, но они ставили на первый планъ „права человѣка“, они были прежде всего либералы, они были демократы лишь поскольку народоправство, демократія является политической формой, обеспечивающей торжество принциповъ либерализма, и въ этомъ смыслѣ они оставались вполне вѣрны духу Декларациі 89 г., въ этомъ смыслѣ они выражали господствующее общественное мнѣніе буржуазіи отъ начала Революціи до весны 93 г., политическіе взгляды Конституанты, Легислативы ¹⁾ и даже избраннаго общимъ избирательнымъ правомъ Конвента до господства Горы. Въ этомъ смыслѣ *они были и остались классическими идеологами буржуазнаго общества въ цѣломъ*.

Якобинцы тоже признавали „Декларацию правъ человѣка и гражданина“ 89 г., но они поставили ее на голову: они подчиняли „права человѣка“ „правамъ гражданина“, они подчиняли либерализмъ демократіи. Поэтому, напримѣръ, Робеспьеръ еще въ 91 г. писалъ въ своемъ „Адресѣ къ французамъ“: „Декларациа правъ можетъ быть сведена къ двумъ принципамъ: 1) равноправность и 2) самодержавіе народа“. Якобинцы понимали отношеніе между „правами гражданина“ и „правами человѣка“ въ духѣ Руссо, который говоритъ въ своемъ Contrat Social: „Тотъ, который осмѣливается конституировать народъ, долженъ чувствовать себя въ состояніи *измѣнить*, такъ сказать, *природу человеческую*, превратить каждаго индивида, который есть самъ по себѣ совершенное и обособленное цѣлое въ часть болѣе великаго цѣлага, *отъ котораго этотъ индивидъ получилъ нѣкоторымъ образомъ свою жизнь и свое существованіе*, поставить на мѣсто физическаго и независимаго существованія частичное и моральное. Нужно, чтобы онъ отнялъ у человѣка его собственныя силы для того, чтобы дать ему чуждую силу, которой онъ не сможетъ пользоваться безъ посторонняго содѣйствія“. *Якобинцы были революціонными идеологами мелкой буржуазіи, „народа“*.

Политическая борьба между Горой и Жирондой была продолженіемъ идейной борьбы XVIII в. между Жанъ-Жакомъ Руссо, съ одной стороны, и „просвѣтителями“ „энциклопедистами“, съ другой, и подобно тому, какъ Руссо стоялъ одиноко среди философовъ XVIII в., якобинцы долго были въ меньшинствѣ въ общей семьѣ политически-сознательной революціонной буржуазіи, и они остались бы въ

¹⁾ Легислатива — законодательное собраніе, избранное въ 1791 году на основѣ конституціи, выработанной Учред. Собраніемъ. Легислатива была распущена въ 1792 г. послѣ возстанія 10 Августа и сверженія монарха. Въ ней господствовали жирондисты.

меньшинствѣ, если бы громадныя сопротивленія, встрѣченныя буржуазной революціей, не привели ее фатально къ режиму революціонной диктатуры. Для подготовленія же для руководства революціонной диктатурой исторія могла выбрать въ то время своимъ орудіемъ только якобинцевъ.

Конституанта считала революцію законченной послѣ того, когда выработанная ею конституція была утверждена королемъ. Правда, сохраненіе монархіи какъ будто плохо согласовалось съ провозглашеннымъ въ „Декларациі“ принципомъ суверенитета націи. Но это противорѣчіе устранялось фиктивнымъ предположеніемъ, что „скипетръ былъ созданъ не чьимъ либо насиліемъ, а волей націи“ (§ 9 проекта конституціи 89 г.) — и въ началѣ не было никого, кто бы вздумалъ опровергать эту фикцію. 13 августа 89 г. будущій монтаньяръ Рабо Сентъ-Этьенъ говорилъ: „Невозможно думать, чтобъ у кого нибудь появилась смѣшная мысль объ обращеніи нашего королевства въ республику“. „Смѣшная мысль“ однако зародилась въ салонѣ госпожи Роберъ, но гораздо позже, и стала распространяться только въ 92 г., въ періодъ Легислативы, причемъ — любопытно, что жироидисты восприняли ее раньше, чѣмъ монтаньяры: Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ хранили молчаніе объ этомъ вопросѣ даже отъ 10 Августа до 22 Сентября 92 г. Суверенитетъ народа былъ съ самаго начала основной догмой якобинцевъ, но они очень долго не видѣли необходимой связи между народнымъ самодержавіемъ и республиканской формой правленія. Робеспьеръ, въ выше цитированномъ „Адресѣ къ французамъ“, въ которомъ онъ признаетъ равноправность и самодержавіе народа главной основой „Декларации Правъ“, говоритъ, между прочимъ: „Слова республика и монархія не болѣе, какъ неопредѣленные и ничего не значущіе термины... Я не раздѣляю того ужаса, который внушаетъ титулъ короля почти всѣмъ свободнымъ народамъ. Лишь бы только націи было предоставлено ея мѣсто, а патриотизму, вызванному характеромъ настоящей революціи, былъ данъ соответствующій простор“. Нужны были суровые историческіе уроки для того, чтобы французская буржуазія убѣдилась въ избитой теперь истинѣ, что монархія не даетъ „простора патриотизму“, что она несовмѣстима съ осуществленіемъ „правъ челоуѣка и гражданина“. „Не философы, творящіе системы, потрясаютъ имперіями“, говорилъ Дантонъ наканунѣ 10 Августа, „подлые льстецы королей, которые тиранятъ его именемъ народъ, гораздо вѣрнѣе работаютъ на гибель правительства, чѣмъ филантропы, публикующіе свои воззрѣнія на абсолютную свободу... Еслибъ монархія показала себя искреннимъ другомъ своего суверена — свободы, она обезпечила бы себѣ такую же продолжительность, какъ сама нація“...

И такъ, по аутентичному свидѣтельству Дантона не республиканская доктрина привела къ паденію монархіи во Франціи, а измѣны двора сувереннымъ принципамъ революціи — интриги „аристократовъ“. Но кто могъ скорѣе и легче другихъ раскрыть интриги аристократовъ; кому естественнѣе было впервые забить тревогу объ опасности? Конечно, наиболѣе послѣдовательнымъ въ то время демократамъ-якобинцамъ, не смотря на то, что они доктрину республиканскую восприняли позже другихъ. Якобинцы предъявляли слѣшкомъ большія требованія національному единенію, обязанностямъ гражданина по отношенію къ націи, чтобы поддаться плюзии внезапнаго растворенія аристократическихъ элементовъ въ новомъ обществѣ, внезапнаго примиренія разбитыхъ, но еще живыхъ, враговъ съ новымъ режимомъ. Ихъ не привели въ умиленіе ни трогательная сцена единенія въ знаменитое ночное засѣданіе 4 Августа 89 г., ни трогательная сцена всенароднаго братанія 14 Юля 90 г. Уже въ первыхъ сентябрьскихъ номерахъ „L'Ami du Peuple“ („Другъ Народа“) Маратъ, предостерегаетъ отъ иллюзіи, навѣянныхъ засѣданіемъ 4 Августа. „Какъ!“ — восклицаетъ онъ: „развѣ не при свѣтѣ пожара въ ихъ дворцахъ, они (аристократы) великодушно отказываются отъ привилегій держать въ цѣпяхъ людей, которые завоевали свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ?“ Этотъ острый критическій взглядъ демократа-патріота помогъ ему первому разгадать закулисныя интриги двора и уже въ сентябрѣ 89 г. онъ сталъ требовать учрежденія революціоннаго трибунала. Съ тѣхъ поръ событія слѣшкомъ часто подтверждали предсказанія, исходившія изъ „подземелья“ Марата и санкюлоты прозвали своего друга „пророкомъ“. То же можно сказать и по отношенію къ Робеспьеру. Какъ болѣе послѣдовательный демократъ, онъ первый поднялъ въ Конституантѣ протестъ противъ дѣленія гражданъ на „активныхъ“ и „пассивныхъ“ въ то время, какъ прочіе буржуазные демократы смотрѣли на это дѣленіе, какъ на невинное средство огражденія „независимости“ націи. Та же бдительность демократа подсказываетъ Робеспьеру, въ то самое время, какъ онъ еще называетъ слово республика „ничего не значущимъ терминомъ“, слѣдующую рѣчь: „Я не допускаю, чтобы въ этомъ собраніи существовалъ челоуѣкъ, достаточно подлый, чтобъ вступить въ соглашеніе съ Дворомъ насчетъ какого-нибудь § Конституціи... достаточно *втроеломный*, чтобы подсказать Двору поправки въ конституціи, которыя стыдъ не позволяетъ ему самостоятельно предложить, достаточно *врагъ отечества*, чтобъ дискредитировать конституцію, потому что она ставитъ предѣлъ его жадности. Я требую, чтобъ каждый изъ насъ поклялся никогда не вступать въ переговоры съ исполнительной властью по поводу какого бы то ни было §

Конституціи подь страхомъ быть объявленнымъ измѣнникомъ отечеству“. Такъ якобинцы, благодаря своему бдительному демократическому чувству, уже въ началѣ революціи создавали ту политическую атмосферу недовѣрія, которой въ послѣдствіи будетъ дышать эпоха диктатуры.

Могло бы казаться, что недовѣріе якобинцевъ простиралось только на „аристократовъ“, могло бы казаться, что къ народу якобинцы относились болѣе довѣрчиво, чѣмъ, на примѣръ, жирондисты. Это однако не вѣрно. Именно, прекраснодушные жирондисты склонны бывали иногда искренне, иногда съ демагогическимъ расчетомъ, слѣпо довѣрять дѣло государства народу, пока они не столкнулись съ нимъ лицомъ къ лицу, пока они наблюдали его изъ прекраснаго далека. Напротивъ того, якобинцы, всегда непосредственно соприкасавшіеся съ народомъ, неизмѣнно посѣщавшіе народные клубы, питая вѣру въ будущее народа, подчасъ, впрочемъ, отравляемую *волюнтіями, весьма естественными для идеологовъ мелкой буржуазіи, ужь во всякомъ случаѣ* мало склонны были его прикрашивать въ *настоящемъ* и довѣряться его слѣпому инстинкту. „Не ждите ничего отъ людей богатыхъ“, писалъ Марать, „воспитанныхъ въ нѣгѣ и наслажденіяхъ, жадныхъ къ золоту: изъ этихъ старыхъ рабовъ вы не сдѣлаете свободныхъ гражданъ. Только земледѣльцы, мелкіе лавочники, ремесленники и рабочіе, которыхъ наглые богачи называютъ пролетаріями, *способны образовать свободный народъ*, во всякое время готовый сбросить съ себя иго угнетенія. *Но этотъ народъ не просвѣщенъ и нѣтъ ничего труднѣе, какъ его просвѣтить; это даже невозможно теперь*, когда тысячи разбойниковъ пера работаютъ для того, чтобы вводить его въ заблужденіе“. Марать, который, по выраженію одного историка, былъ „жестокъ изъ состраданія“ къ народу, нерѣдко честилъ своихъ друзей санкюлотовъ „идіотами“. Можно сказать, что во всѣхъ крупныхъ столкновеніяхъ якобинцевъ съ жирондистами или будущими жирондистами отъ начала революціи вплоть до эпохи Конвента обнаруживалось это двойное отношеніе обѣихъ партій къ народу (въ эпоху Конвента отношеніе жирондистовъ къ санкюлотамъ измѣнилось — оно стало *враждебно-недовѣрчивымъ*). Уже въ 89 г. въ Конституантѣ происходитъ характерное столкновение между Робеспьеромъ и будущими жирондистами Петіономъ и Саллемъ по вопросу о плебисцитѣ. Жирондисты предлагаютъ въ случаѣ, если король воспользуется своимъ правомъ veto, прибѣгнуть къ плебисциту, апеллировать къ первичнымъ избирательнымъ собраніямъ. Робеспьеръ возстаетъ, какъ противъ королевскаго права veto, такъ и противъ разрѣшенія конфликта путемъ плебисцита. „Я предоставляю воображенію добрыхъ гражданъ“, — говоритъ онъ — „разсчитать, какія

провоочки, какую смуту могутъ вызвать разногласія въ разныхъ частяхъ великой монархіи, и какіе ресурсы монархъ могъ бы найти среди этихъ распрей и вытекающей изъ нихъ анархіи для того, чтобы укрѣпить, наконецъ, свою власть на развалинахъ Законодательнаго Собранія“. Черезъ четыре года, когда подымается вопросъ объ утвержденіи приговора надъ королемъ, Робеспьеръ и С. Жюсть опять протестуютъ противъ плебисцита, предлагаемаго жирондистами. Еще характернѣе принципиальныя столкновенія между якобинцами и жирондистами въ Легислативѣ по вопросу о войнѣ. Жирондисты отстаиваютъ необходимость *наступательной* войны съ иностранными державами, какъ метода пропаганды идей революціи; они полагаютъ, что достаточно на остріѣ меча любому поработенному народу принести свободу (вмѣстѣ съ военной контрибуціей, конечно), чтобы онъ съ радостью за нее ухватился. Якобинцы оспариваютъ эту политику, считаютъ ее авантюристической, опасной для судьбы революціи и, между прочимъ, упрекаютъ жирондистовъ въ легкомысленномъ довѣрїи къ вроденному свободолобію народовъ. „Декларация Правъ“, говоритъ по этому поводу Робеспьеръ, „вовсе не лучъ солнечнаго свѣта, который сразу освѣщаетъ всѣхъ людей. Вы хотите оградить себя отъ иллюзій? Подумайте объ естественномъ ходѣ революціи... Революція совершается только постепенно; ее начинаютъ дворяне, духовенство, богатые и народъ ихъ поддерживаетъ, когда онъ согласуетъ свой интересъ съ ихъ интересами въ сопротивленіи господствующей власти монарха. Также и у васъ толчекъ революціи дали парламенты, дворянство, духовенство, богатые; потомъ выступилъ народъ“... Дальше Робеспьеръ доказываетъ, что народъ не только вовлекается въ революцію лишь постепенно, но что, при несознательности, его привязанность къ революціи не прочна: „Когда народъ подымается во всей своей силѣ и во всемъ своемъ величїи, что происходитъ разъ въ вѣка, все склоняется передъ нимъ, деспотизмъ падаетъ къ землѣ и притворяется мертвымъ, какъ трусливый хищный звѣрь при видѣ льва: но скоро онъ встаетъ и приближается къ народу съ ласковымъ видомъ; онъ забираетъ силу хитростью; въ его обращеніе вѣрятъ... народъ предается восторгамъ... Я обезкураживаю націю, говорите вы? Нѣтъ, я ее просвѣщаю; просвѣтитъ свободныхъ людей значитъ пробудитъ въ нихъ мужество“, Эта рѣчь даетъ ключъ къ пониманію тактики якобинцевъ въ отношеніи къ санкюлотамъ, тактики рѣзко отличающей ихъ отъ демагоговъ революціонной эпохи. „Главная задача“, пишетъ Марать, „въ томъ, чтобы *просвѣтить народъ, чтобы дать ему почувствовать свои права*; тогда никакая сила человѣческая не остановитъ революціи“. Для якобинцевъ „суверенитетъ

народа“ былъ основной догмой: но для нихъ это понятіе не покрывалось понятіемъ—республиканская *форма* правленія. Народный суверенитетъ они понимали въ первый періодъ своей дѣятельности, особенно *пока они были въ оппозиціи*, въ смыслѣ постоянного воплощенія въ государствѣ сознательной воли народа, а потому вся ихъ дѣятельность до эпохи Конвента была направлена на воспитаніе народной воли. Они безпрестанно будили въ народѣ сознаніе своихъ правъ старались поддерживать въ немъ это сознаніе всегда въ напряженномъ и бодрственномъ состояніи, они безпрестанно оберегали народъ отъ самообольщенія и сѣяли въ немъ недовѣріе къ „соблазнительнымъ и усыпляющимъ рѣчамъ всякихъ интригановъ“. Просвѣтительная дѣятельность якобинцевъ, конечно, совмѣстно съ уроками, преподанными самими революціонными событіями, оставили глубокий слѣдъ въ народѣ. Въ первые годы санкюлоты выступали на арену революціи со смутными революціонными вождельніями, довѣряясь безотчетно руководящимъ слоямъ буржуазіи: въ возстаніи 10 Августа они проявили себя уже сознательной политической силой. Такимъ образомъ, когда увеличившіяся опасности для буржуазной революціи, сдѣлали необходимой режимъ революціонной диктатуры, санкюлоты сумѣли взять въ свои руки дѣло спасенія націи, сумѣли стать выразителями общихъ національныхъ интересовъ и диктовать законы даже самому Конвенту, олицетворяя въ себѣ суверенный народъ.

Революціонная диктатура была, такъ сказать, навязана исторіей французской буржуазіи, которая съ самаго начала смотрѣла на этотъ режимъ съ тревогой. Якобинцы, напротивъ того, увидѣли въ немъ осуществленіе своего идеала, *поскольку онъ былъ связанъ съ самодержавіемъ народа*, и какъ только они очутились у власти, какъ только Гора побѣдила Жиронду въ Конвентѣ, Гора поторопилась запечатлѣть свой идеалъ въ новой конституціи, хотя примѣненіе ея было отложено до умиротворенія страны. Жирондистскій проектъ конституціи, составленный Кондорсе, также какъ и „Декларация правъ“ 89—91 г. гласитъ, что цѣль политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ правъ человѣка. Пока буржуа думали, что конституціонная монархія можетъ быть достаточной гарантіей „правъ человѣка“, они были монархистами-конституціоналистами: когда они убѣдились, что монархія не можетъ гарантировать этихъ правъ, они стали республиканцами; но и тогда они продолжали смотреть на республику только, какъ на гарантію „правъ человѣка“, т. е. буржуазнаго гражданскаго права. Въ конституціи монтаньяровъ первыя же слова первой строки гласятъ: „Цѣлью общества является общее счастье“. Но если государство получило свою особую высшую цѣль—общее счастье, то

„права человѣка“ должны быть развѣнчаны и должны примѣняться къ этой высшей цѣли государства. И Робеспьеръ дѣлаетъ робкую попытку ихъ развѣнчать. Въ его проектѣ „Декларации правъ“, единогласно одобренномъ въ якобинскомъ клубѣ, право собственности ограничивается. По этому проекту „1) Собственность есть право каждаго гражданина пользоваться и распоряжаться *той долей имущества, которая гарантирована ему закономъ*. 2) Право собственности ограничено, какъ и всѣ другія права, обязательствомъ уважать права другихъ лицъ. 3) Оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободѣ, *ни существованію*, ни собственности намъ подобныхъ. 4) Всякая сдѣлка, нарушающая этотъ принципъ, по существу своему безнравственна и незаконна“. Еслибъ Гора была, еслибъ она могла быть послѣдовательна, она бы, исходя изъ своего взгляда на государство, пришла къ гораздо болѣе радикальнымъ социальнымъ выводамъ. Мы видѣли, что санкюлоты, которые также понимали задачу защищаемой ими республики, какъ и Гора, стихійнымъ путемъ пришли къ очень радикальному ограниченію права распоряженія собственностью—къ *maximum'у*. Бабефъ именно изъ опредѣленія цѣли государства, даннаго монтаньярами, вывелъ логически свой коммунизмъ. Мало того, онъ на основаніи этого опредѣленія приписывалъ монтаньярамъ скрытыя коммунистическія тенденціи. „Анализируйте Робеспьера“, пишетъ онъ, „и вы увидите, что онъ то же въ конечномъ счетѣ приверженецъ „аграрнаго закона“; эти знаменитые люди вынуждены были лавировать, потому что они чувствовали, что время еще не пришло“. Толкуя въ такомъ смыслѣ монтаньярскую конституцію, Бабефъ доказывалъ, что „Учредительное Собраніе есть абсурдъ“: онъ хотѣлъ, чтобъ конституція не была признана разъ навсегда законченнымъ дѣломъ и тогда она неизбежно эволюционируетъ, по его мнѣнію, къ коммунизму. Но Бабефъ оцѣнивалъ монтаньяровъ субъективно, и потому неправильно, Гора стояла и хотѣла остаться на почвѣ буржуазныхъ общественныхъ отношеній. Не говоря уже о томъ, что ограниченіе права собственности, проектированное Робеспьеромъ, не вошло въ конституцію Горы и даже не дебатировалось въ Конвентѣ, самъ Робеспьеръ такъ же, какъ и Сен-Жюсть, Маратъ и другіе монтаньяры, пока возможно было, оказывали энергичное сопротивленіе социальнымъ притязаніямъ санкюлотовъ. По поводу же аграрнаго закона Робеспьеръ неоднократно выражается, что это „призракъ, созданный плутами, чтобъ утратить глупцовъ“. „Не видѣли ли вы“, пишетъ Робеспьеръ, „какъ угнетатели съ самаго начала Революціи стараются запугать всѣхъ богатыхъ людей абсурдной идеей аграрнаго закона?... Чѣмъ больше опытъ опровергаетъ эту ложь, тѣмъ больше они стараются ее повторять, какъ будто защитники свободы безумцы, способные

придумать проект въ одинаковой степени опасный, несправедливый и неосуществимый, какъ будто защитники свободы не знаютъ, что равенство имуществъ невозможно въ гражданскомъ обществѣ, что оно предполагаетъ общность имущества—еще болѣе химеричную для насъ вещь, какъ будто можно найти хоть одного человѣка, имѣющаго какой нибудь промыселъ, котораго интересы не были бы нарушены этимъ проектомъ?”

Какъ же Гора думала примирить общее счастье—идеальную цѣль государства, которую она торжественно прокламировала въ конституціи, съ фактическимъ бѣдствіемъ народа, съ крайнимъ имущественнымъ неравенствомъ? Какъ думала она примирить свою излюбленную догму самодержавія народнаго, которое, наконецъ, осуществилось съ тяжелой экономической зависимостью этого народа? Мы видѣли, какъ санкюлоты въ эпоху диктатуры стихійно натолкнулись на эти противорѣчія и какъ они ихъ практически разрѣшали, или вѣрнѣе, какъ они ихъ практически углубляли. Монтаньяры должны были имѣть съ самаго начала какое либо определенное рѣшеніе этого вопроса, чтобы удержать въ своихъ рукахъ руководство государствомъ въ бурное время Конвента. Но единственное рѣшеніе, которое они могли при тѣхъ условіяхъ придумать, была рационалистическая фикція. Въ умахъ этихъ революціонныхъ идеологовъ мелкой буржуазіи не могла возникнуть *материалистическая теорія классовой борьбы*, и они на ея мѣстѣ совершенно въ духѣ философіи XVIII в. построили себѣ *рационалистическую „теорію гражданской добродѣтели“*. Они ясно видѣли социальный антагонизмъ въ новомъ обществѣ: „Начиная отъ богатаго лавочника“, писалъ Робеспьеръ, „и кончая блестящимъ патриціемъ, начиная отъ адвоката и кончая герцогомъ или перомъ, почти всѣ какъ будто хотятъ сохранить привиллегію презрѣнія къ человѣчеству въ лицѣ народа. Они предпочитаютъ имѣть господь, чѣмъ видѣть, какъ умножается число равныхъ имъ... Они думаютъ, что Богъ извѣка согнулъ спины однихъ для того, чтобы носить тяжести, и создалъ плечи другихъ для золотыхъ эполетъ“. Но этотъ антагонизмъ для Робеспьера не былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ противоположности экономическихъ интересовъ, а результатомъ излишествъ, порчи нравовъ: „Есть только двѣ партіи“, говорилъ онъ, „партія людей испорченныхъ и партія людей добродѣтельныхъ. Не различайте людей по ихъ имуществу, по ихъ состоянію, а по ихъ характеру...“ Большинство богатыхъ изъ жадности, по его мнѣнію, потеряли гражданскую добродѣтель: „Даже та услуга, которую Революція оказала ихъ жадности, не можетъ ихъ примирить съ ней. Имъ нужно было, чтобы Революція исключительно ограничилась увеличеніемъ ихъ богатства.“ Санкюлоты, напротивъ, въ массѣ сохранили свою

добродѣтель: „Санкюлоты, всегда руководимые любовью къ человѣчеству, слѣдовали истиннымъ принципамъ социальнаго строя; они никогда не претендовали на равенство имущества, а на равенство правъ и счастья.“ Задача государства съ этой точки зрѣнія должна заключаться въ томъ, чтобы возстановить и утвердить царство добродѣтели, ибо оно есть залогъ счастья: „Мы желаемъ равенства правъ, потому что безъ него нѣтъ ни свободы, ни социальнаго счастья. Что касается имущества, то, разъ общество исполнило свое обязательство *обезпеченія своимъ членамъ работой необходимыхъ средствъ существованія*, не друзья свободы будутъ его домогаться; Аристидъ нисколько не завидовалъ сокровищамъ Красса. Для чистыхъ душъ есть болѣе возвышенныя и цѣнныя блага. Богатства, которыя ведутъ къ порчѣ, болѣе вредны для тѣхъ, которые ими владѣютъ, чѣмъ для тѣхъ, которые ихъ лишены“... „Классъ порочныхъ долженъ быть отдѣленъ отъ класса добродѣтельныхъ для того, чтобы *избѣжать гражданской войны“*“.

Весь историческій смыслъ, только что совершившейся революціи, заключался въ томъ, что она открыла полный просторъ для борьбы экономическихъ интересовъ и тѣмъ самымъ дала огромный толчекъ развитію производительныхъ силъ общества. Въ это самое время монтаньяры, не подозрѣвая, что угнетенное человѣчество именно этимъ путемъ придетъ къ своему освобожденію, стремятся съ перваго же шага привести новое общество въ состояніе неподвижнаго равновѣсія, заковавъ его въ броню спартанской добродѣтели, и для того, чтобы общество готово было примириться съ этимъ тусклымъ и суровымъ строемъ жизни, монтаньяры возвращаютъ или, точнѣе, даютъ ему новаго бога, ставятъ свою конституцію подъ защиту „Верховнаго Существа“. Предлагая эту мѣру атеистической Франціи, Робеспьеръ говоритъ: „Я не говорю ни какъ отдѣльное лицо, ни какъ философъ, а какъ представитель народа. Атеизмъ аристократиченъ. Идея Великаго Существа, бодрствующаго надъ угнетенной невинностью и наказывающаго торжествующій порокъ, есть идея народная.“ Но ни богъ Жанъ-Жака Руссо, ни героическія успія Горы не могли уничтожить законовъ исторической необходимости. Сколько ни старались монтаньяры „отдѣлить классъ порочныхъ отъ класса добродѣтельныхъ“, сколько ни старались они искоренять порокъ, онъ всегда воскресалъ съ новой силой, потому что это былъ неизлечимый никакой строгой діетой „порокъ классовой борьбы“. Богатая буржуазія не хотѣла отказаться отъ жадныя накопленія, не боясь погрязнуть въ порокъ, а санкюлоты не хотѣли удовлетвориться „необходимыми средствами существованія“, плохо обезпечиваемыми работой, не опасаясь утратить добродѣтель, и гражданская война, которой монтаньяры старались избѣжать, только

усиливалась, и притомъ прямо пропорціонально ихъ стараніямъ.

Чтобы понять политическую тактику монтаньяровъ въ Конвентѣ, нужно всегда имѣть въ виду одно очень важное обстоятельство. Хотя монтаньяры были идеологами санкюлотовъ, хотя они въ нихъ искали и находили главный оплотъ „общественнаго спасенія“, тѣмъ не менѣе ясно, что, стремясь къ сохраненію тѣснаго національнаго единенія и отвергая въ принципѣ классовую борьбу, они не могли всецѣло отождествлять свое дѣленіе гражданъ на добродѣтельныхъ и порочныхъ съ экономическимъ дѣленіемъ общества на санкюлотовъ и *culottes dorées*: они, съ одной стороны, не осмѣливались зачислить всю богатую буржуазію въ классъ „порочныхъ“, что значило бы потерять ее окончательно для революціи; съ другой стороны, они всегда со скрытой, а иногда и съ явной, враждой относились къ тѣмъ элементамъ санкюлотства, которые своей соціальной непримиримостью составляли постоянную угрозу новому общественному строю. Они зачисляли въ число „подозрительныхъ“ не только умѣренную, „модерантистскую“ буржуазію, но и наиболѣе ярыхъ санкюлотовъ, считая ихъ безсознательной жертвой демагоговъ, интригановъ-враговъ революціи. Этимъ опредѣлялась ихъ тактика политическаго равновѣсія: они стремились всегда удерживать прочную связь съ основнымъ ядромъ санкюлотства и, ради этого, осторожно уступали его возрастающимъ соціальнымъ требованіямъ; но въ то же время они всегда старались уравновѣшивать умѣренные буржуазные элементы крайними санкюлотскими, а когда это не удавалось, они при содѣйствіи крайнихъ яростно обрушались на умѣренныхъ, съ тѣмъ, чтобъ получить право послѣ этого обрушиться на „демагоговъ“. „Народъ“, говорилъ Сень-Жюсть, „какъ Вильгельмъ Телль: нужно, чтобъ онъ попалъ въ яблоко, не ранивши ребенка, нужно, чтобъ онъ себя спасъ, не погубивши себя“. Сначала, казалось, что монтаньярамъ удастся своей тактикой обмануть законы исторической необходимости.

Въ началѣ 93 года Гора имѣла противъ себя на одномъ флангѣ Жиронду, на сторонѣ которой было большинство Конвента, на другомъ флангѣ партію „ярыхъ“, руководимыхъ Жакомъ-Ру, Варле и Леклеркомъ, которая приобрѣтала возрастающее вліяніе на санкюлотовъ. Монтаньяры старались всѣми средствами дискредитировать, политически убить Жиронду, въ то же время не посягая на ея депутатскія права, на неприкосновенность Конвента. „Когда я предлагаю мѣры сильныя и рѣшительныя“, говорилъ Робеспьеръ въ якобинскомъ клубѣ, „я не предлагаю тѣхъ конвульсій, которыя убиваютъ политическій организмъ. Я требую, чтобы всѣ секціи Коммуны были на сторожѣ и наблюдали за дурными

гражданами, не посягая на неприкосновенность депутатовъ. Я не хочу, чтобъ затронули народное представительство; я хочу, чтобъ съ нихъ маску сорвали, чтобъ ихъ лишили возможности вредить.“ Робеспьеръ предлагалъ систему „моральнаго возстанія“, но обостряющаяся вражда санкюлотовъ къ Жирондѣ требовала болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, и якобинскій клубъ Горы долженъ былъ присоединиться къ вооруженному возстанію, самостоятельно организованному санкюлотами. Маратъ далъ ему девизъ: „Пусть всѣ секціи Парижа соберутся и спросятъ у Конвента, имѣетъ ли онъ средства для спасенія отечества; пусть онѣ заявятъ, что если онѣ ихъ не имѣетъ, народъ хочетъ самъ себя спасти“. Такимъ образомъ, монтаньяры поддержали возстаніе 31 Мая 93 года, въ результатѣ котораго жирондисты были удалены изъ Конвента. Послѣ этого возстанія у монтаньяровъ развязались руки для нападенія на „ярыхъ“, и они немедленно на нихъ обрушились. „Ярые“ пустили корни въ самомъ очагѣ революціи — въ санкюлотствѣ, а потому на нихъ нападеніе было сдѣлано съ большими мѣрами предосторожности. „Я приглашаю“, говорилъ Робеспьеръ по этому случаю въ якобинскомъ клубѣ, „къ крайней осторожности. Средства для спасенія народа не всегда одинаковыя. Такъ на войнѣ иногда бросаются на врага съ оружіемъ въ рукахъ, иногда довольствуются тѣмъ, что его утомляютъ, заставляя его дѣлать мучительные марши и контръ-марши, избѣгая сраженія; такъ же и мы должны употреблять всякаго рода хитрости противъ тѣхъ, которые одерживаютъ надъ нами побѣды только такими способами“. . . . Этой тактикой были раздавлены „ярые“. Ограниченнаго и упрямаго Жака Ру всюду гнали, вездѣ преслѣдовали, покуда онъ не лишилъ себя жизни. „Ярые“ были раздавлены, но тѣмъ не менѣе Конвентъ счелъ себя вынужденнымъ удовлетворить тѣ соціальныя требованія, которыя въ значительной степени подѣ давлениемъ „ярыхъ“ стали выдвигать все чаще и чаще санкюлоты.

Теперь, послѣ паденія Жиронды и Жака Ру, казалось, гражданской войнѣ въ республиканской Франціи былъ положенъ конецъ. Сень Жюсть старался всѣми силами умиротворить всѣхъ внѣ Конвента и успокаивать, такъ называемое, „болото“ въ Конвентѣ. Но умиротворить элементы революціонной Франціи Горѣ не удалось. Жиронда, изгнанная изъ Конвента, сдѣлала первую попытку „рожденія въ народъ“. Она бросилась въ секціи Парижской коммуны, стараясь тамъ усилить вліяніе умѣренныхъ буржуазныхъ элементовъ на счетъ крайнихъ санкюлотскихъ и, такимъ образомъ, вытѣснить оттуда Гору; когда эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, жирондисты направились въ провинцію агитировать противъ диктатуры Парижа и, въ

концѣ концовъ, большинство изъ нихъ перешло на сторону роялистовъ, на сторону контръ-революціи. Озлобленіе санкюлотовъ противъ Жиронды росло и, послѣ измѣны Тулона, санкюлоты настояли на введеніи террористическаго режима, который официально былъ провозглашенъ въ сентябрѣ 93 г. Конвентомъ.

Санкюлоты еще разъ раздавили Жиронду за одно съ контръ-революціей, но на этотъ разъ ужъ не „моральнымъ возстаніемъ“, а кровавой борьбой. Эти все болѣе и болѣе опасные рецедивы „гражданской войны“ стали заронять у монтаньяровъ сомнѣнія въ надежности ихъ рраціоналистической теоріи гражданской добродѣтели и общественнаго равновѣсія, не указывая въ то же время никакого пехода. Въ найденной у Робеспьера рукописи того времени, пишется такая замѣтка: „Народъ... Что служить препятствіемъ для его просвѣщенія? — Бѣдность. Когда же народъ будетъ просвѣщенъ? — Когда онъ будетъ имѣть хлѣбъ и когда богатые и правительство перестанутъ подкупать въбромонныя перья и языки для того, чтобы его обманывать: когда ихъ интересъ совпадетъ съ интересомъ народа. — Когда же ихъ интересъ совпадаетъ съ интересомъ народа? — *Никогда.*“ Это „*никогда*“ испугало Робеспьера и онъ зачеркнулъ написанныя имъ строки...

Мрачныя предвкусенія Робеспьера имѣли серьезное основаніе. Несмотря на то, что пораженіе Жиронды и Жака Ру сузило политическую арену революціонной Франціи, партійная борьба опять и опять воскресала, отливаясь въ новыя формы, но оставаясь по прежнему отраженіемъ соціальнаго антагонизма буржуазнаго общества. Гора опять очутилась между двухъ огней: съ одной стороны эбертисты, заступившіе мѣсто „ярыхъ“: съ другой стороны дантонисты, заступившіе мѣсто Жиронды. Дантонъ, Камилль-Демуленъ, Фабр-д'Эглантинъ были всегда приверженцами самыхъ отважныхъ и рѣшительныхъ революціонныхъ мѣръ: это была революціонная гвардія. „Смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость,“! — таковъ былъ ихъ девизъ. Но имъ всегда за порогомъ революціи мерещился идеаль эллинскаго общества, съ его широкимъ просторомъ для индивидуальности, съ его культурою наслажденій, и этотъ индивидуализмъ былъ той нитью, которая связывала ихъ съ Жирондой: ихъ давилъ суровый режимъ уравновѣшенной мелко-буржуазной добродѣтели, налагаемой на общество диктатурой Горы и санкюлотовъ. Въ концѣ концовъ они стали охлаждать къ революціи, и Камилль-Демуленъ, старый другъ Робеспьера, бросилъ вызовъ режиму революціонной диктатуры въ „Старомъ Кордельерѣ“, въ статьѣ, которая, не смотря на возвышенный античный стиль, по существу мало чѣмъ отличалась отъ желчныхъ и мелочныхъ филиппикъ жирондиста

Бриссо. На другомъ флангѣ революціи, эбертисты переняли наслѣдство Марата и Жака Ру, но безъ идейности и политическаго смысла перваго, безъ выдержанности соціальнаго радикализма втораго, за то съ новыми нотами грубаго преторіанства, объясняющимся тѣсной связью между эбертистами и санкюлотской арміей. Ихъ вождь Эбертъ въ своемъ крайне популярномъ органѣ *Père Duchêne* не ограничивался постояннымъ призывомъ къ истребленію всѣхъ аристократовъ, богачей, подозрительныхъ и т. д.: онъ неизмѣнно цинично издѣвался надъ жертвами, играя на низменныхъ инстинктахъ толпы. Эбертисты внушали опасеніе Горѣ едва ли не больше, чѣмъ дантонисты, ставшіе „умѣренными“. „Свирѣпый взглядъ, усы, мрачный и жеманный слогъ, лишенный наивности — развѣ въ этомъ вся заслуга патріотизма“?! воскликнулъ по ихъ поводу Сенъ-Жюсть. По его и Баррера предложенію „справедливость и честность“ были поставлены на очередь дня и декретированы Конвентомъ. Но это справедливости не водворило. Интересы общественнаго спасенія потребовали отъ Горы вновь примѣненія *метода политическаго равновѣсія*. Дантонисты и Эбертисты пошли па эшафотъ за жирондистами.

Когда въ мартѣ 93 г. Конвентъ по предложенію Дантона, учредилъ „революціонный трибуналъ“, эта мѣра мотивировалась только интересами гуманности: она предложена была для того, чтобы предупредить повтореніе сентябрьскихъ убійствъ. „Враги свободы подымаютъ голову“, говорилъ Дантонъ, „они видятъ, что честный гражданинъ занятъ у своего домашняго очага, что ремесленникъ занятъ въ мастерской, и они имѣютъ глупость думать, что они въ большинствѣ. Такъ вырвите же ихъ сами изъ рукъ народнаго суда, гуманность это вамъ повелѣваетъ“. Теперь, въ 94 г. гильотина стала въ рукахъ Комитета Общественнаго Спасенія волшебнымъ средствомъ для установленія политическаго равновѣсія и соціальнаго мира. Законъ 2 Преріала сдѣлалъ ея компетенцію безграничной. Законъ этотъ гласитъ: „Враги народа наказываются смертью... Враги народа — тѣ, которые стремятся уничтожить свободу силой или хитростью... Тѣ, которые будутъ мѣшать народному просвѣщенію, развращать нравы и вносить порчу въ общественную совѣсть, ослаблять энергію и чистоту революціонныхъ и республиканскихъ принциповъ или задерживать ихъ прогрессъ путемъ ли анти-революціонныхъ или коварныхъ сочиненій или всякими пными махинаціями и т. д. и т. д. . . .“. Рѣшила ли гильотина возложенную на нее задачу? Съ самаго начала эпохи диктатуры монтаньяры говорили: нужно уничтожить партіи для того, чтобы утвердить новый общественный строй на началахъ добродѣтели. Когда Робеспьеръ 9 Термидора оглядывалъ пройденный имъ революціонный путь, онъ сказалъ: „*Паденіе*

партий открыло свободу всем порокам". Больше трагичный финаль трудно себя вообразить. Можно ли сказать, что монтаньяры сдѣлали роковую ошибку, избравши ложный путь для достиженія своей цѣли? Никонимъ образомъ. Они сдѣлали все, что могли сдѣлать люди при тѣхъ условіяхъ, больше чѣмъ когда либо сдѣлали люди для „общественнаго спасенія“, что означало гораздо больше спасенія буржуазной революціи. Но сама эта задача, какъ непосредственная задача и тѣсно связанная съ ней система революціонной диктатуры не могутъ быть по плечу для только что сложившагося буржуазнаго общества. Революціонная мелкая буржуазія не могла рѣшить въ прошломъ той проблемы, которую рѣшить въ будущемъ революціонный пролетаріатъ.¹⁾

4. Отъ народнаго самодержавія къ цезаризму.

Мы видѣли, что режимъ диктатуры общественнаго спасенія страдалъ внутреннимъ противорѣчіемъ: онъ, съ одной стороны, стихійно обострялъ антагонизмъ между санкюотами и другими слоями буржуазнаго общества; съ другой стороны, онъ, въ лицѣ Горы, сознательно стремился искоренить классовую борьбу и привести буржуазное общество въ состояніе устойчиваго равновѣсія. Очевидно, что это противорѣчіе, суживая постепенно основу довѣрія къ диктатурѣ, должно было съ теченіемъ времени кореннымъ образомъ измѣнить характеръ и формы ея организаціи. И дѣйствительно, организація диктатуры въ ея окончательномъ видѣ была, такъ сказать, полнымъ отрицаніемъ ея первоначальнаго остова. Съ самаго начала эпохи Конвента, якобинцы упрекали жирондистовъ въ томъ, что они хотятъ превратить Францію въ федеративную республику для того, чтобы ослабить ее и, такимъ образомъ, облегчить возстановленіе

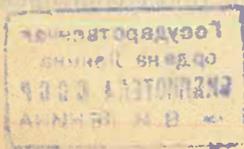
¹⁾ Марксъ раскрылъ смыслъ внутренняго противорѣчія эпохи Конвента еще тогда, когда онъ дѣлалъ первые шаги къ выработкѣ материалистическаго взгляда на исторію. Въ 43 г. онъ писалъ въ *Judenfrage*: „Когда самоосвобожденіе человѣчества стремится осуществиться подъ видомъ политическаго самоосвобожденія, государство можетъ и должно придти къ уничтоженію, къ искорененію религіи, но лишь такъ, какъ оно приходитъ къ уничтоженію частной собственности, къ максимуму, къ конфискаціи, къ прогрессивному налогу, какъ оно приходитъ къ уничтоженію жизни, къ гильстинѣ. Въ моменты своего наиболѣе напряженнаго самочувствія политическая жизнь стремится подавить составляющее ея предпосылку — буржуазное общество и его элементы, стремится конституировать себя, какъ дѣйствительную, непротиворѣчивую форму общественной жизни человѣка. Ова, однако, достигаетъ этого лишь тѣмъ, что становится въ насильственное противорѣчіе со своими жизненными условіями, лишь тѣмъ, что она объявляетъ революцію перманентной и поэтому политическая драма съ такой же необходимостью кончается возстановленіемъ религіи, частной собственности, всѣхъ элементовъ буржуазнаго общества, какъ война необходимо кончается миромъ“.

королевской власи; жирондисты, напротивъ, упрекали якобинцевъ, что они сознательно сѣютъ социальную анархію для того, чтобы бросить Францію въ объятія диктатора. И то, и другое обвиненіе одинаково были неосновательны: сознательно ни та, ни другая партія къ этимъ результатамъ не стремилась. Въ сентябрѣ 92 году Дантонъ говорилъ въ Конвентѣ: „Неоспоримо, что нуженъ строгій законъ противъ тѣхъ, которые захотѣли бы уничтожить общественную свободу. Ну, такъ издадимъ же этотъ законъ. Пусть угрожаетъ смертная казнь всякому, который выскажется въ пользу диктатора или триумvirата; но установивши эти основы, которыя гарантируютъ намъ сохраненіе равенства, уничтожимъ тотъ партійный духъ, который насъ погубитъ. Утверждають, что есть среди насъ такіе люди, которые носятъ съ мыслью о раздробленіи Франціи; искоренимъ и эти идеи, объявляя смертную кару тѣмъ, которые ихъ выскажутъ... Тогда, клянусь вамъ, наши враги погибнутъ“. Робеспьеръ присоединился къ предложенію Дантона. Только Марать, и онъ въ этомъ отношеніи стоялъ совершенно одиноко среди якобинцевъ, давно поговаривалъ о необходимости назначенія диктатора. „Медленность и гласность дѣйствій“, писалъ онъ, напримѣръ, въ февралѣ 93 г., „есть одинъ изъ наиболѣе крупныхъ недостатковъ демократическаго правленія: медленность и гласность всегда вредятъ общественному спасенію, когда ведется война съ деспотическими государствами, которыхъ отличительная черта состоитъ въ быстротѣ и конспиративности дѣйствій. Эти пороки коренятся въ самомъ существѣ демократической формы правленія. Въ демократіи, въ которой всѣ люди равны и пользуются одинаковыми политическими правами, люди необходимо завидуютъ другъ другу, и игра мелкихъ страстей въ національномъ сенатѣ мѣшаютъ законодателю довѣрять какому нибудь граждану неограниченную власть“. Марать хотѣлъ назначенія диктатора; но каждый разъ, когда онъ высказывалъ такой взглядъ, Дантонъ, Робеспьеръ и др. якобинцы демонстративно отворачивались отъ него и подчеркивали свою несолидарность съ нимъ, и самъ Марать договаривался до требованія личной диктатуры, также какъ и до требованія чудовищныхъ массовыхъ казней, лишь въ такіе моменты, когда онъ, по собственному признанію, отчаивался въ спасеніи республики; онъ, впрочемъ, не въ припадкѣ другимъ, отчаивался въ этомъ часто; разъ онъ даже заявилъ, что броситъ все и уѣдетъ въ Америку. Повторяю, жирондисты въ принципѣ не сочувствовали федерализму, а якобинцы въ принципѣ крайне порицали идею личной диктатуры: Робеспьеръ неоднократно указывалъ на Кромвелевскій режимъ, какъ на великое зло, котораго Франціи слѣдуетъ опасаться пуще всего. Но вопреки принци-

намъ жирондистовъ и якобинцевъ, логика мелко буржуазной революціонной диктатуры толкала жирондистовъ на путь федерализма, а затѣмъ и роялизма, толкала монтаньяровъ на путь личной диктатуры и имперіализма. Это необходимо имѣть въ виду, когда говорятъ о якобинцахъ 93 г. Объ нихъ часто судятъ по заговорщикамъ-якобинцамъ XIX вѣка: эти, дѣйствительно, стояли на точкѣ зрѣнія только что цитированной мною статьи Марата, эти, дѣйствительно, выдвигали девизъ: „анархія снизу, дисциплина сверху“. Но эти заговорщики по необходимости начинали съ того, чѣмъ якобинцы 93 г. кончили, они по необходимости были каррикатурой на монтаньяровъ, потому что въ обществѣ съ развитой классовой борьбой пролетаріата и буржуазіи, якобинское знамя ни на минуту не можетъ стать народнымъ знаменемъ.¹⁾

Для того, чтобы выяснитъ себѣ идеальное представление якобинцевъ 93 г. о демократіи, лучше всего сопоставитъ монтаньярскую конституцію, составленную Эро-до-Сешелемъ съ жирондистскимъ проектомъ конституціи, составленнымъ Кондорсе. Я уже указывалъ, какъ различно эти двѣ конституціи ставили вопросъ о задачахъ государства и демократіи: соотвѣтственно съ этимъ различно было ихъ отношеніе и къ устройству, къ организаціи демократическаго государства. Жирондистскій проектъ конституціи былъ формально крайне демократичнымъ: въ основѣ его лежала система прямыхъ одностепенныхъ выборовъ народомъ всѣхъ должностныхъ лицъ, вплоть до министровъ, и непосредственный контроль народа надъ законодательствомъ путемъ референдума. Но демократы монтаньяры очень рѣзко критиковали этотъ проектъ конституціи. Кутонъ называлъ жирондистскую конституцію только „по внѣшности народной“; Тюрю говорилъ, что она „вѣроломно подготавливаетъ федеральную республику“. Главные пункты расхожденія по этому вопросу были слѣдующіе: 1) жирондисты клали въ основу демократіи департаментское дѣленіе Франціи: по ихъ проекту, прежнія мелкія коммуны должны были слиться въ крупныя, благодаря чему 14000 коммунъ должны были исчезнуть. Монтаньяры клали въ основу демократіи неизмѣненное коммунальное дѣленіе Франціи. Значеніе этого разногласія легко будетъ понять, если принять во вниманіе, что департаментское дѣленіе было чисто искусственное, административное; что въ массѣ французскихъ коммунъ, напротивъ того, со дня взятія Бастиліи, неизмѣнно жилъ революціонный народный духъ, поддерживаемый якобинскими клубами. Вслѣдствіе этого, Жиронда всегда апеллировала къ департаментамъ противъ революціонной диктатуры Па-

¹⁾ Ср. мою статью „Соціалдемократическія добѣды и буржуазно-демократическіе реванши“, отискъ изъ „Зари“.



рижа: Гора же всегда апеллировала къ коммунамъ противъ модерантизма Жиронды. 2) Жирондисты были приверженцами плебисцита; по ихъ проекту достаточно требованія первичныхъ избирательныхъ собраній двухъ департаментовъ, чтобы обязать парламентъ подвергнуть любой законъ народному референдуму. Монтаньяры находили, что при одностепенномъ срокѣ выборовъ въ парламентъ, эта мѣра не только лишняя, но и вредная: этой мнимой гарантіей воспользуется не народъ, который не можетъ въ обширномъ государствѣ непосредственно цѣлеобразно и согласовано обсуждать законы, а политическіе интриганы, прикрывающіеся именемъ народа. Въмѣсто этой фиктивной гарантіи они предлагали гарантію революціонную: „Когда правительство нарушаетъ право народа“, гласитъ ихъ конституція, „возстаніе составляетъ для каждой части народа самое священное пзъ правъ и самую необходимую изъ обязанностей“. 3) По проекту жирондистовъ всѣ должностныя лица вплоть до министровъ выбираются, хотя и разнымъ способомъ, но въ конечномъ счетѣ, первичными избирательными собраніями. Сен-Жюсть указывалъ, что при этой системѣ исполнительная власть не только уравнивается съ законодательной, но будетъ имѣть еще большій авторитетъ: министръ будетъ выбираться всею націей, въ то время какъ депутатъ будетъ выбираться округомъ въ 50000 человекъ. Эта система, по словамъ Сен-Жюста, была придумана, чтобы создать „патриціатъ знаменитостей“. Въ отличіе отъ этого проекта монтаньярская конституція оставляетъ прямыя выборы только для депутатовъ въ Законодательное Собраніе; департаментская администрація и судьи уголовные и кассаціонные должны выбираться двухстепенными выборами, а министры трехстепенными: департаментскія избирательныя собранія выставляютъ кандидатовъ, а Законодательное Собраніе изъ ихъ числа назначаетъ 24 членовъ Исполнительнаго Совѣта, т. е. министерства. Изъ сдѣланнаго мною бѣглаго сопоставленія видно, какъ якобинцы представляли себѣ государственное устройство. Ихъ идеалъ былъ — централизованное народоправство, воплощающее единую и нераздѣльную волю народныхъ массъ и гарантируемое правомъ народа на возстаніе. Съ внѣшней стороны жирондистская конституція была демократичнѣе монтаньярской. Въ дѣйствительности монтаньяры стремились фактически обезпечить суверенитетъ народа, жирондисты стремились его обезпечить формально, и это вполне вытекаетъ изъ того, что я раньше говорилъ о двоякомъ отношеніи этихъ партій къ народу.

Конституція 93 года выражаетъ монтаньярскій идеалъ демократическаго устройства. О полномъ осуществленіи этого идеала въ революціонную эпоху Конвента не могло быть и рѣчи: примѣненіе конституціи было отложено до

умиротворенія Франціи. Но необходимость продленія „временнаго порядка“ не мѣшало якобинцамъ руководиться въ организаторской дѣятельности своими общими взглядами на демократію, и факты показываютъ, что *первоначально*, теорія и практика якобинская находились въ согласіи. Эпиграфомъ официального органа якобинцевъ — „Le journal de la Montagne“ служили слова, сказанныя въ Конвентѣ Эро-де-Сешеллемъ: „Сила разума и сила народа составляютъ одно“. Въ этомъ эпиграфѣ уже заключается якобинская программа дѣйствія; смыслъ его ясенъ: нужно регулировать и объединять революціонную самодѣятельность народа, подчинивши ее дисциплинѣ принциповъ (разума). Въ основу диктатуры общественнаго спасенія якобинцы клали ту широкую революціонную самодѣятельность санкюлотовъ, которая сначала сосредоточилась вокругъ Парижской Коммуны, а затѣмъ, подъ вліяніемъ якобинскихъ клубовъ, развилась по всѣмъ провинціальнымъ французскимъ коммунамъ. Революція 10 Авг. 93 г. была сдѣлана Парижск. Коммуной вмѣстѣ съ федератами, пріѣхавшими изъ провинціи. Поэтому, послѣ возстанія, Парижская Коммуна смотрѣла на себя, до извѣстной степени, какъ на революціонное временное правительство, съ которымъ Конвентъ долженъ считаться, не смотря на свои суверенныя права. Я говорилъ уже о томъ, что Парижская Коммуна съ перваго же дня республики начала по своей собственной инициативѣ проводить мѣры „общественнаго спасенія“; между прочимъ, она поставила подъ свой контроль право хранить оружіе и даже право занимать какую нибудь должность въ министерствѣ... Несомнѣнно, что такая широкая компетенція Коммуны обуславливалась не столько ея легальнымъ уставомъ, сколько ея недавними революціонными заслугами. Ея положеніе въ качествѣ узаконенной организациі даже значительно стѣсняло ея свободу дѣйствія; поэтому она искала опору въ болѣе широкихъ и менѣе отвѣтственныхъ организаціяхъ, въ секціяхъ коммуны. По инициативѣ одной изъ секцій въ апрѣлѣ 93 года было созвано собраніе комиссаровъ всѣхъ 48 секцій коммуны, которое конституировало себя какъ „Центральное собраніе общественнаго спасенія и сношенія съ департаментами“ (Революціонный комитетъ Епископства). Эта широкая санкюлотская организація была легализирована Коммуной, пользовалась при надобности ея законными полномочіями и, съ своей стороны, оказывала ей народную революціонную поддержку, а иногда, когда Коммуна обнаруживала нерѣшительность, производила на нее революціонное давленіе. За спиной этой полулегальной организаціи временно возникали революціонные комитеты, которые уже вовсе не были связаны никакими легальными узамъ, и которые въ извѣстные критическіе моменты, какъ наприимѣръ, 31 Мая 93 года, брали на себя инициативу народ-

ныхъ движеній. Такимъ образомъ, вокругъ Коммуны раскинулась широкая организаціонная сѣть, связывавшая ее съ революціонно настроенными санкюлотскими массами. Якобинскіе клубы старались распространить эти революціонныя организаціи санкюлотовъ и въ провинціи, связывая ихъ съ Парижемъ и привлекая ихъ къ поддержкѣ Парижа. Такъ, наприимѣръ, 20 апрѣля 93 года парижскій якобинскій клубъ пишетъ своимъ провинціальнымъ филиальнымъ отдѣленіямъ: „Граждане департаментовъ, вы болѣе или менѣе отдалены отъ главной арены революціи и отъ источника контръ-революціонныхъ проектовъ; положитесь на добрыхъ гражданъ Парижа въ дѣлѣ наблюденія за государственными людьми, за людьми съ диктаторскими или федералистскими стремленіями, точно такъ, какъ парижскіе граждане полагаются всегда на васъ, когда дѣло касается важныхъ особъ въ вашихъ департаментахъ или того, что совершается у васъ...“

Широкое санкюлотское движеніе было, какъ я говорилъ, въ глазахъ якобинцевъ основой режима революціонной диктатуры, но только основой: „энтузіазмъ національный велика сила“, говорилъ въ первые дни Конвента якобинецъ Шудье „но при томъ условіи, когда онъ не разсѣивается въ противрѣчныхъ движеніяхъ; а мы каждый день наблюдаемъ, какъ рядомъ съ великодушными порывами возникаютъ стремленія неразумительныя и вѣроломныя, хотя и окрашенныя въ революціонный цвѣтъ“. Для того, чтобы урегулировать и объединить широкое санкюлотское движеніе недостаточно было однихъ политическихъ лозунговъ, которые давали санкюлотамъ якобинскіе клубы, служившіе нѣкоторымъ образомъ партійной организаціей якобинцевъ; нужно было еще стянуть всѣ нити этого движенія въ одинъ центръ, въ Конвентъ; но въ Конвентѣ преобладали жирондисты. Вслѣдствіе этого якобинцы старались съ самаго начала посредствомъ агитаціи среди санкюлотовъ, возстановить революціонное общественное мнѣніе противъ Жиронды и, такимъ образомъ, довести Жиронду до состоянія „политическаго ничтожества“, привлекиши на свою сторону безразличное большинство Конвента, которое они называли „болотомъ“; и это имъ удалось. Въ началѣ Гора имѣла не болѣе 100 голосовъ въ Конвентѣ, 15 мая 93 г. они имѣли 150 голосовъ, 28 мая — 238; на сторонѣ Жиронды еще осталось большинство въ 41 гол. Возстаніе 31 мая докончило этотъ процессъ революціоннымъ способомъ. Гора стала господствовать въ Конвентѣ. Параллельно съ идейнымъ объединеніемъ членовъ Конвента вокругъ своего знамени, якобинцы приняли рядъ мѣръ для централизаціи дѣятельности Конвента. Уже въ мартѣ 93 г., по предложенію Дантона, было уничтожено раздѣленіе властей: министры стали избираться изъ числа депутатовъ, оставаясь депутатами. Въ томъ же мѣсяцѣ былъ учрежденъ „революцион-

ный трибуналъ"; наконецъ, 6-го апрѣля былъ учрежденъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, который принялъ первыя рѣшительныя революціонныя мѣры: декретировалъ принудительный заемъ у богатыхъ, ввелъ прогрессивный налогъ, установилъ максимумъ, организовалъ революціонную армію для борьбы съ Вандеей и т. д. Комитетъ Общественнаго Спасенія, обсуждавшій свои дѣла тайно, избирался изъ числа членовъ Конвента и находился подъ верховнымъ контролемъ Конвента; при немъ состояло 12 министерскихъ комиссій, но онѣ имѣли значеніе простыхъ канцелярій. Вся власть была сосредоточена въ Комитетѣ общественнаго спасенія, который по уставу „оставлялъ за собою руководящую идею правительства“. Этотъ могущественный высшій органъ Конвента черезъ якобинскій клубъ и Коммуну поддерживалъ моральную связь съ парижскими санкюлотами а черезъ комиссаровъ Конвента и „народныя общества“, съ санкюлотскимъ движеніемъ всей Франціи. Такимъ образомъ, якобинцамъ удалось къ срединѣ 93 г. осуществить свой идеаль централизованнаго народоправства, приспособленнаго къ условіямъ революціоннаго времени.

Но недолго этому революціонному народоправству довелось функционировать въ своемъ первоначальномъ видѣ. Въ этомъ видѣ оно было законченной формой диктатуры санкюлотовъ, но сложилось оно не въ результатъ побѣды санкюлотовъ надъ буржуазнымъ обществомъ, а напротивъ, во имя спасенія буржуазнаго общества санкюлотами. Только какъ спасители буржуазнаго общества санкюлоты могли добиться въ немъ диктатуры и полного народоправства. Но какъ мы видѣли, эта гармонія между интересами санкюлотовъ и интересами буржуазнаго общества была крайне недолговѣчна, а героическія усилія Горы насильственно возстановить эту гармонію были совершенно тщетны и создавали ей все большее и большее число враговъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ, широкая народная основа, на которую опиралась стоявшая у кормила правленія Гора, должна была постепенно суживаться. Въ началѣ режимъ революціонной диктатуры, поддерживался преимущественно своей моральной силой, революціоннымъ энтузіазмомъ народа: нужно было имѣть мужество, чтобы выступить открыто противъ тѣхъ, которые посвятили себя спасенію республики. Мотивируя свое предложеніе отменить въ конституціи тайную подачу голосовъ, Барреръ говорилъ: „нельзя оспаривать у гражданъ право быть мужественными“. Но по мѣрѣ того, какъ соціальныи антагонизмъ обострялся, для поддержанія режима диктатуры все чаще и чаще приходилось прибѣгать къ механическимъ средствамъ, сначала для подавленія умѣренныхъ буржуазныхъ элементовъ, а потомъ для обузданія крайнихъ санкюлотскихъ. Когда наплывъ умѣренныхъ элементовъ сталъ угрожать ре-

волюціонному характеру коммунальной жизни, по инициативѣ якобинскаго клуба было принято рѣшеніе, чтобы ремесленники получали вознагражденіе за каждый рабочий день, проведенный на службѣ въ національной гвардіи или потерянный, благодаря участію въ политическомъ собраніи. Вскорѣ послѣ того, въ 93 году по инициативѣ Революціоннаго Комитета Епископства рѣшено было организовать 20000-ую революціонную санкюлотскую армію для охраны Парижа, за счетъ контрибуціи съ богатыхъ; по его же инициативѣ Коммуна издала декретъ, назначающій двухъ-франковую поденную плату всякому рабочему, который приметъ участіе въ предпологавшемся возстаніи. Вскорѣ механическія мѣры подавленія были направлены и въ другую сторону — противъ „санкюлотскаго федерализма“. По декрету Конвента отъ 17 сентября 93 г. „комитеты надзора“, которые раньше состояли при Коммунѣ, должны впредь непосредственно сносятся съ Конвентомъ. Это было первое ограниченіе правъ санкюлотской Коммуны. За ними быстро послѣдовали новыя ограниченія политической самостоятельности санкюлотовъ. Декретъ 4 декабря замѣняетъ выборныхъ окружныхъ прокуроровъ-синдиковъ и прокуроровъ Коммуны назначаемыми Комитетомъ Общественнаго Спасенія „національными агентами“: по этому декрету всѣ прокуроры сохраняютъ свой мандатъ подъ именемъ „національныхъ агентовъ“, кромѣ тѣхъ, которые „подлежатъ отставленію отъ должности.“ Раньше комиссары Конвента считались не только съ Комитетомъ Общественнаго Спасенія, но и съ общественнымъ мнѣніемъ на мѣстахъ, съ которыми они знакомились черезъ „народныя общества“; въ случаѣ, напримѣръ, борьбы съ католическими священниками, они часто поступали вопреки своимъ полномочіямъ. Теперь они обязаны были каждые 10 дней посылать подробный отчетъ Комитету Общественнаго Спасенія. Генеральные Совѣты Коммунъ, президенты и генеральные прокуроры — синдикаты департаментовъ были упразднены. Президенты и секретари революціонныхъ комитетовъ должны были смѣняться каждыя двѣ недѣли. Вся власть была сосредоточена въ рукахъ Комитета Общественнаго Спасенія и безпрерывно подчиненныхъ ему „національныхъ агентовъ“. Прежняя система демократической централизаціи была замѣнена системой централизаціи крайне бюрократической и, соответственно съ этимъ, радикально измѣнилась политическая атмосфера диктатуры. Если послѣ паденія Жиронды монтепьярская печать еще пользовалась свободой слова, то послѣ казни Эберта и Дантона, въ Жерминаль 94 г., печать сдѣлалась рабскою и всѣ газеты субсидировались Комитетомъ Общественнаго Спасенія. Рабскій духъ проникъ также и въ Конвентъ. Отъ Флореала до Термидора всѣ декреты Комитета Общественнаго Спасенія вотивировались Конвентомъ безъ преній

п единогласно. Въ началѣ эпохи Конвента Дантонъ и Робеспьеръ предлагали издать декретъ, угрожающій смертью всякому, кто выскажется въ пользу триумвирата или личной диктатуры. Въ 94 г. Франціей фактически безгранично управлялъ триумvirатъ изъ Робеспьера, Сень-Жюста и Кутона, а когда Сень-Жюсть уѣхалъ въ армію, Робеспьеръ фактически остался диктаторомъ; но онъ не смѣлъ называть вещи своимъ именемъ. Онъ не смѣлъ даже самому себѣ въ этомъ признаться. Члены Конвента стали роптать противъ него, встрѣчали его возгласами — „тиранъ“! Въ концѣ концовъ онъ былъ преданъ суду революціоннаго трибунала. Въ этотъ рѣшительный моментъ, 9 Термидора, когда онъ вмѣстѣ съ Кутонемъ укрывался отъ преслѣдованій Конвента въ городской ратушѣ, предъ ними стояла тяжелая дилемма: официально признать себя диктаторомъ и совершить coup d'état или подчиниться суверенному Конвенту и пойти на эшафотъ. „Намъ, значитъ, остается только умереть“, сказала ему Кутонъ, подсовывая ему для подписи готовое воззваніе къ возстанію за печатью Коммуны. Робеспьеръ написалъ только первыя три буквы своей фамиліи — Роб. и бросилъ перо, — Пиши же, говоритъ ему Кутонъ — „Да, но во имя кого?“ воскликнулъ Робеспьеръ и рѣшилъ такимъ образомъ свою судьбу. То, чего не хотѣлъ сдѣлать Робеспьеръ 9 Термидора изъ уваженія къ своимъ принципамъ, то сдѣлалъ авантюристъ Наполеонъ 18 Брюмера. Логика мелкобуржуазной революціонной диктатуры превратила народное самодержавіе въ его противоположность, въ цезаристскую монархію.

б. Диктатура пролетаріата и диктатура санкюотовъ. Соціально-демократы и якобинцы. Историческій ублюдокъ.

Анализъ эпохи Конвента, я полагаю, наглядно показалъ что диктатура того времени, какъ революціонная диктатура была возможна пока и поскольку революція еще воплощала по мнѣнію націи, ея *верховный* интересъ, которому должны подчиняться *особые* соціальныя интересы разныхъ элементовъ новаго общества. Когда же революціонная диктатура можетъ повториться въ исторіи? Очевидно, при такой революціи, въ которой извѣстные общественныя классы, составляющіе большинство націи и ея силу, вновь увидятъ воплощеніе своего *высшаго* соціальнаго интереса. Но въ буржуазномъ обществѣ, вкусившемъ отъ древа познанія, въ обществѣ съ непримиримой классовою борьбой пролетаріата и буржуазіи, такой революціей можетъ быть только *національное возстаніе противъ буржуазіи*, т. е. революція социалистическая. Намѣчая условія этой революціи, Марксъ писалъ въ

50 г. („Классовая борьба во Франціи“): „Революція промышленнаго пролетаріата обусловлена развитіемъ промышленной буржуазіи. Лишь подъ ея господствомъ онъ вырастетъ въ національную силу, способную придать его революціи національные размѣры, лишь подъ ея господствомъ онъ создаетъ современныя средства производства, служащія въ то же время средствомъ его революціоннаго освобожденія. Лишь ея господство вырываетъ съ корнемъ остатки феодальнаго строя и подготавливаетъ почву, на которой единственно возможна рабочая революція... *Французскіе рабочіе не могли тронуть ни одного волоска на буржуазномъ стропѣ, пока ходъ революціи не поднялъ противъ него, противъ господства капитала, стоящую между пролетаріатомъ и буржуазіей массу націи*, крестьянъ и мелкихъ буржуа, и не заставилъ ихъ примкнуть къ пролетаріату, признавъ въ немъ передового бойца...“ Очевидно, что Марксъ здѣсь имѣетъ въ виду не тотъ случай, когда крестьяне и мелкіе буржуа идутъ за пролетаріатомъ, какъ за вождемъ, во имя своихъ особыхъ интересовъ, временно совпадающихъ съ интересами пролетаріата — это возможно и при буржуазной революціи. Здѣсь предполагается, что масса націи возстала противъ господства капитала, т. е., что она стала на точку зрѣнія социализма, на точку зрѣнія рабочаго класса. Но разъ это условіе дано, разъ рабочій классъ, какъ таковой, сталъ выразителемъ революціонныхъ интересовъ націи, то этимъ самымъ дана возможность осуществленія его революціонной диктатуры. Въ той же книгѣ Марксъ пишетъ: „Когда возстанетъ классъ, въ которомъ сосредоточиваются революціонныя интересы общества, онъ не ищетъ матеріала для своей революціонной дѣятельности: онъ уничтожаетъ враговъ, принимаетъ мѣры, диктуемыя потребностями борьбы и послѣдствія его собственныхъ дѣйствій толкаютъ его дальше.“

Итакъ, повторяю: *современное буржуазное общество запишетъ въ свою исторію только двѣ революціонныя диктатуры: революціонную диктатуру крайнихъ элементовъ буржуазіи на его зарѣ, въ XVIII вѣкѣ, и революціонную диктатуру пролетаріата на его закатѣ*. Между этими узловыми пунктами исторіи буржуазное общество переживало, и еще можетъ пережить, не одну революцію, но ни одна изъ нихъ не побудила и не побудитъ общества подчиниться режиму революціонной диктатуры, потому что разные общественныя классы, участвующіе въ этихъ революціяхъ, должны заранѣе знать и во всякомъ случаѣ должны въ процессѣ революціи очень быстро убѣдиться, что эта революція является для нихъ не высшей общей цѣлью, а средствомъ для разныхъ цѣлей. Исторія буржуазнаго общества запишетъ только двѣ революціонныя диктатуры, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что вторая диктатура даже по внѣшней формѣ

очень мало будет похожа на первую. История Парижской Коммуны 71 г. в этом отношении приподымает завѣсу будущаго. Правда, революція 18 Марта не успѣла принять національных размѣровъ и ограничилась однимъ Парижемъ; правда, она застала французскій пролетаріатъ врасплохъ совершенно неорганизованнымъ и мало сознающимъ свои классовые интересы. Но объективныя условія, при которыхъ она совершилась — капиталистическое развитіе Франціи, несравненно больше приближаютъ ее къ пролетарской революціи, чѣмъ революція 10 августа 1792 г., подготовившая санкюлотскую диктатуру. Поэтому Энгельсъ имѣлъ основаніе говорить въ условномъ смыслѣ: „Въ послѣднее время нѣмецкій филистеръ снова сталъ обнаруживать спасительный ужасъ при словахъ: диктатура пролетаріата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотритесь въ Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетаріата.“

Было бы празднымъ зкнатиємъ гадать теперь о томъ, въ какія конкретныя формы отольется будущая диктатура пролетаріата. Тѣмъ не менѣе, научный марксистскій анализъ историческаго процесса даетъ намъ нѣкоторыя указанія на то, чѣмъ диктатура пролетаріата должна будетъ неизбѣжно отличаться отъ санкюлотской диктатуры XVIII вѣка. Несомнѣнно, что, подобно той диктатурѣ, она начнется съ реализаціи народнаго самодержавія. Несмотря на то, что большинство Парижской Коммуны 71 г. были бланкисты, которые господствовали также въ Центр. Комитетѣ національной гвардіи, несмотря на то, что по взглядамъ этихъ заговорщиковъ бланкистовъ вся власть должна была быть сосредоточена въ рукахъ небольшого числа рѣшительныхъ и хорошо организованныхъ людей, связанныхъ военной дисциплиной, пока имъ не удастся вовлечь въ революцію народную массу, Парижская Коммуна самой логикой своего положенія, была вынуждена держаться съ самаго начала противоположной тактики¹⁾ „Во всѣхъ своихъ воззваніяхъ къ провинціямъ она приглашаетъ всѣ коммуны Франціи къ свободному соединенію съ Парижемъ въ одну національную организацію, такую организацію, которая впервые была создана дѣйствительно самой націей. Постоянная армія, политическая полиція, бюрократія, вся эта угнетающая сила существующаго до тѣхъ поръ централизованнаго правительства, которую создалъ Наполеонъ въ 1798 году и которую съ тѣхъ поръ, каждое новое правительство охотно направляло противъ своихъ враговъ, какъ чрезвычайно удобное орудіе — должна была повсюду пасть, какъ она уже пала въ Парижѣ.“ По поводу этихъ мѣръ Коммуны Энгельсъ замѣчаетъ: „Коммуна

¹⁾ См. Марксъ. Гражданская война. Стр. 10, 11, 12, 13.

тогда увидѣла, что, разъ достигнувъ власти, рабочій классъ не можетъ пользоваться для своихъ цѣлей старой государственной машиной; она увидѣла, что, если этотъ классъ не хочетъ лишиться только что завоеваннаго господства, онъ долженъ съ одной стороны устранить старый, до тѣхъ поръ направлявшійся противъ него самого, механизмъ угнетенія, а съ другой — обезопасить себя противъ своихъ собственныхъ служащихъ и уполномоченныхъ.“

Если, такимъ образомъ, диктатура пролетаріата подобно диктатурѣ санкюлотовъ, должна будетъ начаться съ водворенія народнаго самодержавія, то дальнѣйшая судьба этого народоправства неизбѣжно будетъ совершенно иная. Мы видѣли раньше, что внутренняя логика революціонной диктатуры санкюлотовъ толкала ихъ на путь социальнаго радикализма; мы видѣли, какъ, люди, подобные Бодо, вопреки ихъ собственнымъ взглядамъ, самимъ положеніемъ вещей были вынуждены въ концѣ концовъ предлагать чисто коммунистическія практичекія мѣры. Тоже повторилось во время Коммуны 71 г. Ея социальными теоретиками были исключительно прудонисты, члены Интернаціонала. Но по проиіи исторіи эти люди были вынуждены „дѣлать какъ разъ противное тому, что имъ предписывала ихъ школьная доктрина“, и поддерживать, хотя и непослѣдовательно и нерѣшительно, коммунистическія начинанія парижскаго пролетаріата¹⁾ Несомнѣнно, что и при будущей диктатурѣ, пролетаріатъ *вынужденъ* будетъ дѣлать практическіе шаги къ коммунизму „побуждаемый своими классовыми интересами и подъ давленіемъ экономической необходимости“,²⁾ даже еслибъ онъ теоретически тогда стоялъ не на высотѣ своего положенія. Въ виду этого, между прочимъ, Каутскій методологически совершенно правильно поступалъ, когда онъ въ своей книгѣ о „соціальной революціи“ намѣчалъ ея путь, исходя исключительно изъ *объективнаго* положенія, въ которомъ будетъ находиться пролетаріатъ, завоевавшій политическую власть. Но, если объективная логика революціонной диктатуры пролетаріата будетъ толкать пролетаріатъ впередъ, также какъ она толкала впередъ санкюлотовъ 93 г., то послѣдствія отъ этого должны быть прямо противоположныя. Коммунистическіе проекты Ланжа, Доливье, Сюэ, Шоммета и др. были для экономическихъ условій эпохи Конвента утопичны, а реализовавшіяся въ то время мелкобуржуазныя утопіи могли сохраниться только весьма короткое время, пока продолжало существовать совершенно исключительное положеніе вещей. Вслѣдствіе этого, социальный радикализмъ санкюлотовъ привелъ ихъ вскорѣ къ столкновенію съ историческими инте-

¹⁾ См. *ibid.* 10.

²⁾ См. Каутскій „Соціальная Революція“ стр. 99-102.

ресами тогдашняго общества. Напротивъ того, коммунистическія мѣры, къ которымъ приведетъ диктатура пролетаріата, будутъ именно реализаціей назрѣвшихъ, наиболѣе жизненныхъ интересовъ общества, и этой разницей опредѣлится разница въ общей судьбѣ будущей и прошлой революціонныхъ диктатуръ. Въ то время, какъ мѣры общественнаго спасенія XVIII в. форсировали развитіе классовыхъ противорѣчій, благодаря чему, при условіи диктатуры, народное самодержавіе выродилось въ цезаризмъ, диктатура пролетаріата будетъ только прологомъ къ тому времени, „когда новое, выросшее въ свободныхъ условіяхъ поколѣніе окончательно сброситъ съ себя всю государственную ветошь“.

(Энгельсъ).

Уже одно это бѣглое сопоставленіе характера двухъ революціонныхъ диктатуръ показываетъ, какая принципиальная пропасть отдѣляетъ соц.-демократію, подготовляющую диктатуру пролетаріата отъ якобинцевъ Великой Революціи, которые подготовляли и руководили диктатурой санкюлотовъ. Конечно, социальдемократы являются единственными наслѣдниками принциповъ народнаго самодержавія и *salus publicae*, провозглашенныхъ якобинцами XVIII в., но эта связь преемственная, а не логическая, и она совершенно аналогична связи между нами, русскими социальдемократами, и нашими революціонными предшественниками, партией Народной Воли. Соц.-демократы и якобинцы — выразители интересовъ двухъ различныхъ общественныхъ классовъ; у нихъ два различныхъ метода мышленія, два различныхъ метода дѣйствія. Якобинцы — революціонные идеологи мелкой буржуазіи, были и не могли не быть рационалистами, или, какъ Энгельсъ бы выразился, метафизиками, потому что ихъ идеологія шла въ разрѣзъ съ дальнѣйшимъ процессомъ историческаго развитія, потому что они хотѣли остановить исторію на томъ пунктѣ, котораго она достигла въ 1793 г. въ „5-й годъ свободы и 2-й годъ равенства“. Мы социальдемократы, идеологи пролетаріата, не можемъ не быть діалектическими материалистами, потому что мы считаемъ себя „сознательнымъ орудіемъ бессознательнаго историческаго процесса“, потому что наша революціонность выражается не въ революціонномъ *насиліи* надъ исторіей, а напротивъ, въ цѣлесобразной *помощи* той революціи, которую дѣлаетъ сама исторія. Якобинцы и социальдемократы — двѣ революціонныя непримиримыя партіи. Социальдемократы борются такъ же энергично съ оппортунизмомъ, какъ якобинцы въ свое время боролись съ „модерантизмомъ“. Но въ то время, какъ якобинцы тщетно старались уничтожить всѣ партіи, не понимая порождающаго ихъ классоваго антагонизма, соц.-демократы, напротивъ того, заставляютъ ихъ опредѣлиться, *die Farbe bekennen*, ограничивая такимъ образомъ исторически

незаконную сферу ихъ вліянія. Якобинцы въ партійной борьбѣ апеллировали къ „добродѣтели“ а когда они были у власти, ихъ высшимъ аргументомъ была гильотина. Социальдемократы апеллируютъ къ сознанию. Когда Бернштейнъ упрекалъ Каутскаго, что онъ его терроризируетъ, тотъ ему отвѣтилъ: „Товарищъ Бернштейнъ, я васъ терроризирую только логикой“. Субъективно, якобинцы были такими же крайними демократами, какъ и социальдемократы. Но, провозгласивъ принципъ самодержавія народа, они не только въ концѣ концовъ пришли къ цезаризму; съ самаго начала они имѣли къ нему бессознательное предрасположеніе, потому что ихъ *вѣра* въ будущность народа не могла быть основана на *убѣжденіи*, потому что, являясь идеологами мелкой буржуазіи, они должны были неизбежно отражать ея двойственность. Не даромъ якобинецъ Маратъ, прославившійся „пророкомъ“, такъ часто отчаивался въ возможности „общественнаго спасенія“, не даромъ онъ хотѣлъ назначенія диктатора еще въ то время, когда Дантонъ и Робеспьеръ угрожали смертью возможному претенденту на личную диктатуру. Социальдемократы — единственные послѣдовательные демократы, потому что они не имѣютъ основанія недоумѣвать будущности народа, потому что они идеологи революціоннѣйшаго изъ всѣхъ классовъ — пролетаріата, потому что они связываетъ судьбу народа съ судьбой пролетаріата.

Въ свое время якобинцы были наиболѣе послѣдовательной революціонной партіей; но съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ социальдемократія и тамъ гдѣ она существуетъ, якобинцы могутъ претендовать на революціонность только, спекулируя на историческіе предрасудки. Прикрываясь социалистическимъ знаменемъ, они въ дѣйствительности подмѣниваютъ социаль-демократическія задачи буржуазно-демократическими.¹⁾ Таковы двѣ революціонныя диктатуры, таковы двѣ соответствующія имъ идеологіи. Раньше, чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, еще одно замѣчаніе. Когда я говорилъ, что буржуазное общество запишетъ въ своей исторіи только двѣ диктатуры, когда я ихъ сравнивалъ, я имѣлъ въ виду диктатуры въ ихъ удачной, законченной, классической формѣ. Но стихійный историческій процессъ, какъ известно, не заботится о совершенствѣ и объ эстетикѣ: онъ слишкомъ часто, на ряду съ продуктами совершенными и законченными, создаетъ и убожскіи. Ничего невѣроятнаго поэтому нѣтъ въ томъ, что въ той или другой отсталой странѣ, благодаря слѣпой игрѣ революціонной стихіи, пролетаріатъ очутится на моментъ у власти въ то время, какъ тамъ не будетъ еще объективныхъ условій для социалисти-

¹⁾ Ср.: Мартыновъ. Социальдемократическія побѣды и буржуазно-демократическіе реванши.

ческой революціи. Въ какомъ положеніи очутится тогда партія, стоящая во главѣ пролетаріата? Она несомнѣнно не сможетъ уже субъективно повторить исторію якобинской диктатуры, но въ тоже время она объективно не сможетъ еще выполнить задачу диктатуры пролетаріата и потому, *ея действительная роль будетъ неизбежно ролью несостоятельнаго плательщика*. Если же, къ тому, партія очутится въ такомъ положеніи, не благодаря слѣпой исторической необходимости, а благодаря собственному сознательному авантюризму, то исторія заклеимитъ ее названіемъ — *злостный банкротъ*. Энгельсъ въ „Крестьянской войнѣ въ Германіи“ прекрасно изображаетъ положеніе такой партіи: „Самымъ худшимъ изъ всего, что можетъ предстоять вождю крайней партіи, является вынужденная необходимость обладать властью въ то время, когда движеніе еще недостаточно созрѣло для господства представляемаго имъ класса и для проведения мѣръ, обезпечивающихъ это господство. Возможное для такого вождя зависить не отъ его воли, а отъ уровня достигнутого противоположностью интересовъ различныхъ классовъ, уровня въ свою очередь зависящаго отъ степени развитія матеріальныхъ условій существованія, отношеній производства и обмена. Съ другой стороны, то, что такой вождь *долженъ дѣлать*, то чего требуетъ отъ него его собственная партія, также зависить не отъ него, по въ то же время и не отъ степени развитія классовой борьбы и не отъ ея условій: онъ остается связаннымъ своими прежними доктринами и требованіями, которыя также вытекаютъ не изъ взаимнаго положенія общественныхъ классовъ въ *данный моментъ*, не отъ *временныхъ* болѣе или менѣе случайныхъ отношеній производства и обмена, но обуславливаются способностью этого вождя къ пониманію общихъ результатовъ социальнаго и политическаго движенія. Такимъ образомъ передъ нимъ неизбежно вырастаетъ неразрѣшимая дилемма: что онъ можетъ сдѣлать — противорѣчитьъ всѣмъ его предыдущимъ поступкамъ, его принципамъ и непосредственнымъ интересамъ его партіи; что онъ *долженъ* былъ бы дѣлать — оказывается нецелесообразнымъ. Словомъ, онъ вынужденъ будетъ отстаивать не свою собственную партію, не свой собственный классъ, а тотъ классъ, для господства котораго уже созрѣло движеніе. Онъ *долженъ* будетъ въ интересахъ именно этого движенія отстаивать интересы чуждаго ему класса и отдѣлываться отъ своего класса фразами, обѣщаніями и увѣреніями въ томъ, что интересы другого класса являются его собственными. Кто разъ попалъ въ это ложное положеніе, тотъ погибъ безвозвратно“.

6. Національная проблема русскаго пролетаріата.

И избралъ своей темой вопросъ о „двухъ диктатурахъ“, какъ читатель видѣлъ изъ предисловія, не случайно: этотъ вопросъ имѣетъ теперь для насъ актуальное, злободневное значеніе. Мы стоимъ наканунѣ политическаго самоосвобожденія русскаго буржуазнаго общества, наканунѣ буржуазной революціи. Кто отдастъ себѣ ясный отчетъ въ условіяхъ осуществленія революціонной диктатуры, тотъ пойметъ, что совѣтовать социалдемократіи готовиться при *такой* революціи къ революціонной диктатурѣ, къ „хотя бы временному захвату власти“, значить совѣтовать ей готовиться къ своему банкротству, значить — на очень долгое время послѣ революціи дискредитировать социалистическое знамя въ глазахъ пролетаріата. Но это значить вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить дѣлу настоящей революціи, потому что, *увлекая* пролетаріатъ на путь фантастическихъ приключеній, мы тѣмъ самымъ *отвлекаемъ* его отъ его реальной революціонной задачи. Еслибы мы имѣли очень обширныя связи среди рабочихъ, исторія, можетъ быть, могла бы при стихійномъ революціонномъ взрывѣ намъ *навязать* мнимую, ублюдочную революціонную диктатуру года два-три тому назадъ, когда политическое движеніе буржуазіи еще не сформировалось. Но это свидѣтельствовало бы о томъ, что мы, *какъ социалдемократы*, не сумѣли подготовиться къ революціи, что стихійное развитіе революціонныхъ событій заставило насъ дѣйствовать не въ качествѣ социалдемократовъ, а въ качествѣ буржуазныхъ демократовъ, что мы оказались вынужденными измѣнить своему социалистическому знамени ради *настоящей* революціи, но что мы все таки и эту революцію сдѣлаемъ неудачно, какъ дѣлали ее неудачно буржуазные демократы въ 48 году. Еслибы мы заранѣе могли *предвидѣть* такой оборотъ дѣла, мы не имѣли бы историческаго права уже въ абсолютистской Россіи строить свою самостоятельную политическую партію. Мы должны были бы ограничиться одной социалистической пропагандой. Не для того строятъ партію, чтобы дискредитировать ея принципы.

Мы должны твердо помнить, что социалдемократія есть и должна остаться вплоть до социалистической революціи *партіей крайней оппозиціи*, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ партій, которыя могутъ рассчитывать такъ или иначе, въ той или другой степени приобщиться къ власти въ буржуазномъ обществѣ. Чтобы опредѣлить, въ чемъ заключается задача нашей партіи, какъ партіи крайней оппозиціи, въ моментъ политическаго самоосвобожденія буржуазнаго общества, намъ опять таки необходимо исходить изъ яснаго пред-

ставленія объ условіяхъ осуществленія будущей революціонной диктатуры пролетаріата.

Объ этихъ условіяхъ я говорилъ. Диктатура пролетаріата будетъ заключительнымъ звеномъ его классовой борьбы съ буржуазіей и она возможна будетъ тогда, когда пролетаріатъ, какъ таковой, какъ классовый врагъ буржуазіи, станетъ выразителемъ общенациональныхъ, общенародныхъ революціонныхъ интересовъ, когда его коммунистическій лозунгъ станетъ общенациональнымъ лозунгомъ, когда народъ подъ его руководствомъ возстанетъ противъ буржуазіи. Но пролетаріатъ долженъ имѣть въ виду конечную цѣль своей классовой борьбы съ буржуазіей на всемъ историческомъ протяженіи этой борьбы и во всѣхъ ея эпизодахъ. Чтобы завоевать себѣ революціонную гегемонію въ борьбѣ за социализмъ, пролетаріатъ долженъ приучить себя къ роли авангарда народныхъ массъ и приучить народныя массы видѣть въ немъ свой авангардъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда по историческимъ условіямъ, по степени экономическаго развитія страны, приходится выдвигать въ качествѣ очереднаго лозунга не коммунистическій, а какой нибудь сравнительно менѣе революціонный. Такимъ лозунгомъ у насъ въ настоящее время является созывъ Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права при полной свободѣ выборной агитаціи. И наврядъ ли русскій пролетаріатъ найдетъ болѣе подходящій случай для выполненія своей роли демократическаго авангарда, чѣмъ теперь, когда ведется рѣшительная борьба между старой и новой Россіей.

Можетъ казаться, что въ настоящее время между русскимъ пролетаріатомъ и буржуазіей не можетъ быть классовой борьбы въ ея развитой формѣ, т. е. политической борьбы, потому что оба эти класса пока политически безправны, потому что оба они борются съ общимъ врагомъ — съ абсолютизмомъ. Это, однако, совершенно невѣрно. Такая классовая борьба не только возможна, она необходима, какъ наиболѣе вѣрный залогъ успѣха революціи. Но для того, чтобы классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей привела къ этой цѣли — къ торжеству революціи, она должна выразиться въ ихъ *борьбѣ за вліяніе на ходъ и исходъ революціи, въ борьбѣ за гегемонію въ этой революціи.*

Осуществленіе либеральной программы составляетъ у насъ, какъ и всюду составляло, жизненный интересъ буржуазіи, потому что безъ этого буржуазное общество не можетъ дальше экономически развиваться¹⁾. Политическая же демократія, хотя и является въ буржуазномъ обществѣ покорнымъ орудіемъ классоваго господства буржуазіи, нужна

¹⁾ См. Каутскій. Классовые интересы.

ей преимущественно, если не исключительно, какъ гарантія либеральнаго режима¹⁾. Вслѣдствіе этого, въ зависимости отъ особенностей историческихъ условій, отъ преобладающаго вліянія тѣхъ или другихъ классовъ и общественныхъ группъ, самоосвобожденіе буржуазнаго общества исторически реализовалось въ очень пестрыхъ политическихъ формахъ. Для пролетаріата, напротивъ того, осуществленіе политической демократіи является почти элементарной потребностью. Этимъ опредѣляется взаимоотношеніе либеральной и социальной демократіи въ буржуазной революціи. *Всѣ безъ исключенія слои нашей оппозиціонной и революціонной буржуазіи будутъ стараться и уже стараются использовать пролетаріатъ, какъ орудіе для своего политическаго освобожденія, какъ старалась объ этомъ западно-европейская буржуазія во время своихъ буржуазныхъ революцій.* Объ этомъ *сознательно* стараются умѣренные либералы, которые пугаютъ правительство крестьянской анархіей, рабочими беспорядками, выстрѣлами Балмашевыхъ и Сазоновыхъ и т. п., пользуясь этими самыми „беспорядками“ для исходайствованія себѣ скромныхъ политическихъ уступокъ, учитывая, такимъ образомъ, жертвы пролетаріата и прочей революціонной демократіи въ своихъ узкихъ групповыхъ интересахъ.

Объ этомъ старается *безсознательно* даже та революціонная, но не социальдемократическая, молодежь, которая сейчасъ или скоро готова будетъ умереть на одной баррикадѣ съ рабочими, но большинству которой послѣ революціи до рабочихъ не будетъ никакого дѣла, какъ не было имъ дѣла до нихъ еще весьма недавно, когда они боролись за свои „академическіе“ интересы. *Пролетаріатъ поэтому долженъ въ свою очередь, стараться использовать самоосвобожденіе буржуазнаго общества въ своихъ интересахъ и въ интересахъ всей демократіи,* становясь, такимъ образомъ, авангардомъ въ общенациональной освободительной борьбѣ, защитникомъ общенароднаго дѣла.

Въ чемъ можетъ выразиться эта борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей за гегемонію въ революціи? Мы не должны себя обманывать. Предстоящая русская революція будетъ революціей буржуазная: а это значитъ, что, каковы бы ни были перипетіи этой революціи, хотя бы даже въ этихъ перепетіяхъ пролетаріатъ на моментъ очутится у власти, она въ конечномъ счетѣ обеспечитъ только въ большей или въ меньшей степени господство всѣхъ или нѣкоторыхъ буржуазныхъ классовъ, и еслибъ она была наиболѣе удачная, еслибъ она замѣнила царское самодержавіе демократической республикой, то и въ этомъ случаѣ она доставитъ

¹⁾ Ср. указ. мной выше о жирондистахъ — классич. идеолог. бурж. общ., ст. 26, 27.

безраздѣльное политическое господство буржуазіи. Пролетаріатъ не можетъ получить ни всей, ни части политической власти въ государствѣ, покуда онъ не сдѣлаетъ социалистической революціи. Это—то неоспоримое положеніе, которое отдѣляетъ насъ отъ оппортунистическаго жорессизма. Но если такъ, то, очевидно, что предстоящая революція не можетъ реализовать никакихъ политическихъ формъ *противъ воли всей* буржуазіи, ибо она будетъ хозяиномъ завтрашняго дня. Если такъ, то путемъ простого *устрашенія* большинства буржуазныхъ элементовъ, революціонная борьба пролетаріата можетъ привести только къ одному — къ возстановленію абсолютизма въ его первоначальномъ видѣ, — и пролетаріатъ, конечно, передъ этимъ возможнымъ результатомъ не остановится, онъ не откажется отъ устрашенія буржуазіи *на худой конецъ*, если дѣло будетъ клониться рѣшительно къ тому, чтобы мнимой конституціонной уступкой оживить и укрѣпить разлагающуюся самодержавную власть. Но, выступая на борьбу, пролетаріатъ, само собой разумѣется, имѣетъ въ виду не этотъ худой конецъ.

Очевидно, борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей наканунѣ буржуазной революціи должна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаться отъ этой же борьбы въ ея заключительной стадіи, наканунѣ социалистической революціи. Борьба за вліяніе на ходъ и исходъ буржуазной революціи можетъ выразиться только въ томъ, что *пролетаріатъ будетъ оказывать революціонное давленіе на волю либеральной и радикальной буржуазіи*, что болѣе демократическіе „низы“ общества заставятъ его „верхи“ *согласиться* довести буржуазную революцію до ея логическаго конца. Она выразится въ томъ, что пролетаріатъ будетъ въ каждомъ случаѣ ставить передъ буржуазіей диллему: либо назадъ въ тиски абсолютизма, въ которыхъ она задыхается, либо впередъ, съ народомъ. Онъ будетъ класть на вѣсы ея холоднаго политическаго разсчета не только свою готовность безкорыстно жертвовать собой для дѣла свободы, но *вмѣстѣ съ тѣмъ*, свое умѣніе использовать плоды своихъ жертвъ, свою сознательность, свою сплоченность, свою вліятельность въ народѣ. Пролетаріатъ будетъ оказывать свою моральную поддержку хотя бы самымъ умѣреннымъ либераламъ, пока и поскольку они находятся въ оппозиціи, онъ возстанетъ и возстановитъ противъ нихъ болѣе радикальные элементы буржуазнаго общества, какъ только они обнаружатъ примирительныя поползновенія; такимъ образомъ, онъ *въ концѣ концовъ* своей послѣдовательной тактикой сгруппируетъ вокругъ своихъ очередныхъ политическихъ лозунговъ и революціонно настроенныя народныя массы и крайніе элементы сознательной буржуазіи. Только такимъ образомъ крайняя оппозиціонная тактика пролетаріата будетъ послѣдовательно

двигать революцію впередъ и ни при какихъ условіяхъ не сыграетъ на руку реакціи, какъ это часто случается съ бунтарской анархистской тактикой.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что *борьба за вліяніе на ходъ революціи основана не на словесной или литературной борьбѣ, а на борьбѣ общественныхъ силъ, на борьбѣ классовъ*. Поэтому она выродилась бы непременно раньше или позже въ оппортунистическое политиканство, въ „парламентарство“ еслибъ она примѣнялась за счетъ пролетаріата одними лишь его „представителями“, идущими „во всѣ классы“, чтобы „диктовать имъ программы“. Въ девяти случаяхъ изъ десяти, идейная борьба между социальдемократами, оторванными отъ своего класса, съ компактной средой другого общественнаго класса, привели-бы не къ тому, что буржуазная среда подчинила бы свои интересы краснорѣчивымъ аргументамъ социалиста, а, напротивъ, къ тому, что она подчинила бы его идеи своему вліянію. И дѣло бы нисколько не поправилось отъ того, что эти „представители“ пролетаріата, профессиональные революціонеры, идя въ чужіе классы занимались „высшей политикой“, въ то же время посредствомъ распространенія листовъ и прокламацій призывали бы рабочія массы къ демонстраціямъ или къ возстанію. Еслибъ даже рабочія массы откликнулись на этотъ призывъ „тайнственныхъ незнакомецѣв“, что весьма сомнительно, то, какъ я указалъ уже, буржуазія отлично сумѣла бы учесть и использовать въ *своихъ* интересахъ полусознательное революціонное движеніе народныхъ массъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что оно *формально*, и только формально, совершается подъ флагомъ социальдемократіи.

Указанная тактика имѣетъ социальдемократическую, а не буржуазно-демократическую цѣнность, лишь поскольку ее примѣняютъ *самостоятельно, т. е. сознательно* болѣе или менѣе широкіе слои пролетаріата, которые, въ свою очередь, имѣютъ связи и вліяніе на народныя массы, которые массовыми революціонными актами подкрѣпляютъ силу *своихъ* аргументовъ? Лишь привлеченіемъ все большихъ и большихъ круговъ рабочихъ къ такому сознательному участию въ процессѣ политическаго самоосвобожденія буржуазнаго общества, наша социальдемократія можетъ формировать уже теперь *самостоятельную рабочую партію*, которая въ будущемъ побѣдитъ это общество. Лишь такимъ путемъ социальдемократія можетъ двинуть впередъ буржуазную революцію и превратить ее въ прологъ къ будущей социалистической.

Эта проблема стоитъ въ настоящее время передъ россійской социальдемократіей и она составляетъ нѣкоторымъ образомъ духовное завѣщаніе, которое намъ оставили неудачныя европейскія буржуазныя революціи середины прошлаго вѣка. Въ революціяхъ 48-го года пролетаріатъ принималъ

очень дѣятельное участіе, но лишь какъ чернорабочая сила, а не какъ самостоятельный, сознательный классъ, и это опредѣлило въ огромной степени исходъ революціи. Еслибъ 48 годъ не застигъ европейскій пролетаріатъ на низкомъ уровнѣ классового развитія, революція во Франціи не пришла бы логически къ бонапартизму, а революція въ Германіи и Австріи не отцвѣла бы, не успѣвши расцвѣсть. Парижскій пролетаріатъ въ 48 году не понималъ еще условій своего полнаго освобожденія и потому онъ не могъ понять смысла тогдашней революціи и не могъ въ ней ориентироваться. Онъ не понималъ, что февральская революція была буржуазная революція, и что она другой не могла быть при данномъ уровнѣ экономическаго развитія Франціи и при данномъ уровнѣ развитія ея классовыхъ противорѣчій. Изъ того факта, что онъ завоевалъ республику на баррикадахъ, изъ того факта, что онъ принеся для революціи несравненно болѣе жертвъ, чѣмъ буржуазія, онъ заключилъ, что онъ въ этой республикѣ можетъ *раздѣлить власть* съ буржуазіей, что республика можетъ ввести социалистическія учрежденія *рядомъ* съ буржуазными. Преслѣдуя эту утопическую цѣль, онъ не выполнилъ задачи, которую онъ долженъ былъ бы выполнить при тогдашнихъ историческихъ условіяхъ, исходя изъ своихъ вѣрно понятыхъ интересовъ,—онъ не заставилъ буржуазію углубить и укрѣпить свою революцію.¹⁾ Буржуазія вполне сочувствовала республиканской *формѣ* правленія завоеванной въ февральскіе дни, потому что она обезпечивала непосредственное господство всѣхъ буржуазныхъ классовъ. Но когда призракъ непосредственной диктатуры пролетаріата,—а диктатура пролетаріата въ тотъ моментъ была только призракомъ,—стала угрожать классовому *содержанію* республики, т. е. тому, что цѣннѣе всего на свѣтѣ для буржуазіи, она вся безъ различія фракцій сосредоточила свои силы на борьбу съ пролетаріатомъ, вмѣсто того, чтобы привязать къ республикѣ массу крестьянства и мелкой буржуазіи радикальными реформами; напротивъ, она заставила ихъ еще расплачиваться за долги июльской монархіи. Вопросъ о спасеніи порядка отодвинулъ на послѣдній планъ первоначальную задачу революціи. Крестьянство отвѣтило на это голосованіемъ 10-го декабря, т. е. цезаризмомъ. Германскій и австрійскій пролетаріатъ оказались еще гораздо меньше на высотѣ своего положенія.

¹⁾ Во избѣжаніе ложнаго толкованія моихъ словъ, я долженъ замѣтить: Было бы, конечно, крайнимъ филистерствомъ *жалеть* теперь объ иллюзіяхъ парижскаго пролетаріата въ 48 г.: если эти иллюзіи привели къ его поражению, то съ другой стороны, июньское поражение послужило великимъ и можетъ быть незамѣнимымъ урокомъ для пролетаріата всего міра. Но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что мы теперь, очутившись въ его положеніи, должны были бы опять продѣлать его ошибки.

Франкфуртскій парламентъ на большомъ протяженіи своего безславнаго существованія имѣлъ не мало благопріятныхъ случаевъ для того, чтобы фактически превратиться изъ говорильни въ властное и суверенное законодательное собраніе; но, благодаря трусливому слабоумію германской буржуазной демократіи, онъ всѣ эти благопріятные случаи пропустилъ. Несмотря на то, что онъ такимъ образомъ совершенно дискредитировалъ себя, лишь только онъ обнаружилъ признаки жизни, лишь только онъ вступилъ съ правительствами въ открытое столкновеніе изъ-за имперской конституціи, германскій пролетаріатъ великодушно поддержалъ его рядомъ возстаній въ Дрезденѣ, въ Баваріи и въ Рейнской Пруссіи. Но въ то время, въ маѣ 49 г., революція уже не могла быть спасена. По поводу этихъ возстаній Марксъ писалъ въ 52 г. ¹⁾: „Рабочій классъ принялъ участіе въ этомъ возстаніи, какъ принялъ бы его во всякомъ другомъ, которое сумѣло бы устранить нѣкоторые препятствія на его пути къ политическому господству, къ социальной революціи, или, по крайней мѣрѣ, побудить болѣе вліятельные, но менѣе храбрые классы къ болѣе рѣшительному и революціонному образу дѣйствій, чѣмъ какаго они держались раньше. Рабочій классъ взялся за оружіе съ полнымъ сознаніемъ того, что въ прямомъ смыслѣ слова эта тяжба была не его собственной, но онъ слѣдовалъ своей единственно правильной политикѣ — не позволять ни одному классу, поднявшемуся на его плечахъ (какъ буржуазія въ 48 году) упрочить свое классовое правительство, не давая рабочимъ простора для борьбы за ихъ собственные интересы, и довести дѣло до кризиса, благодаря которому нація или безвозвратно вступила бы на революціонный путь или возстановила бы положеніе, возможно близкое къ бывшему передъ революціей. Въ обоихъ случаяхъ рабочій классъ представлялъ дѣйствительные и хорошо понятые интересы націи, взятой въ цѣломъ, ускоряя насколько возможно тотъ революціонный переломъ, который теперь сталъ исторической необходимостью для старыхъ обществъ цивилизованной Европы...“ Изъ двухъ возможныхъ результатовъ возстанія, указанныхъ Марксомъ, на дѣлѣ осуществился второй, наименѣе благопріятный — въ Германіи „возстановилось положеніе возможно близкое къ бывшему передъ революціей.“ Почему же такъ случилось? Потому что германскій пролетаріатъ слѣдовалъ политикѣ, которую Марксъ называетъ „единственно правильной“ не въ теченіе всего революціоннаго періода, потому что онъ не держалъ парламента подъ своимъ постояннымъ революціоннымъ надзоромъ и контролемъ, потому что онъ вмѣшался въ столкновеніе между

¹⁾ См. Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи.

буржуазнымъ парламентомъ и правительствомъ только тогда, когда было уже поздно спасти революцію. въ моментъ, избранннй не имъ, а политически близорукими и безхарактерными демократами, потому что не онъ двигалъ ихъ, а они увлекали его, несмотря на свою полную ничтожность. Правда, представители интересовъ пролетаріата пытались руководить буржуазной демократіей, правда, коммунистъ Вольфъ, засѣдавшій въ парламентѣ, давно указывалъ демократіи, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, правда, Марксъ въ Рейнской Газетѣ¹⁾ тоже самое дѣлалъ въ рядѣ блестящихъ статей: но демократы франкфуртскаго парламента вовсе не склонны были сообразоваться съ революціонной аргументаціей Маркса и Вольфа, за которой не скрывалась сознательная сила пролетаріата; германскій-же пролетаріатъ того времени такой силы не представлялъ: „Трудящіеся классы“, говоритъ въ той же книгѣ Марксъ о томъ времени, „не пользующіеся довѣріемъ, безоружные, неорганизованные, едва выпешдшіе изъ умственной крѣпости стараго порядка, едва проснувшіеся — не для сознанія, а лишь для инстинктивнаго пониманія своего социальнаго положенія и потребности имъ политики, — могли только заявлять о себѣ шумными демонстраціями, и нельзя было ожидать чтобы они справились съ затруднительностью момента. Но они готовы были — какъ было всегда въ Германіи — биться до конца, если имъ дадутъ оружіе“. Жертвовать собою для свободы германскій пролетаріатъ былъ также готовъ, какъ и вѣнскій, какъ и парижскій, какъ и пролетаріатъ любой страны. Въ этомъ великая сила пролетаріата и безъ этого никакая революція невозможна, но этого одного слишкомъ недостаточно для успѣха революціи.

Революціи 48 г. окончились пораженіемъ, потому что европейскій пролетаріатъ не способенъ былъ еще тогда къ самостоятельной классовой политикѣ, потому что онъ не въ состояніи былъ еще оспаривать у буржуазіи вліяніе на ходъ революціи. Но именно потому, что онъ кончился пораженіемъ и всеобщей измѣной буржуазіи своимъ собственнымъ принципамъ, онъ далъ впервые могучій толчекъ къ выработкѣ самостоятельной политики рабочаго класса.

Русская социальдемократія съ первыхъ же шаговъ ясно поняла завѣтъ, оставленный намъ 48 годомъ. Еще 20 лѣтъ тому назадъ, Плехановъ, доказавши, что въ русскомъ патриархальномъ социальномъ укладѣ (въ общино-натуральномъ хозяйствѣ) нѣтъ внутреннихъ активныхъ силъ для развитія къ социализму, что Россія не можетъ избѣжать европейскаго капиталистическаго развитія, въ то же время обращалъ вниманіе русскихъ революціонеровъ на выгодную особенность въ исторической судьбѣ Россіи — на то что она можетъ воспользоваться урокомъ Запада: „Для насъ“, говорилъ онъ,

„не должно остаться потеряннымъ то въ высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движеніе началось у насъ въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародышѣ. Эта особенность русскаго историческаго развитія не придумана славянофилами и славянофильствующими революціонерами. Она составляетъ безспорный и всѣмъ извѣстный фактъ, который принесетъ огромную пользу дѣлу нашего рабочаго класса, если только русскіе социалсты не растрачатъ своей умственной и нравственной энергіи на постройку воздушныхъ замковъ въ стилѣ удѣльно-вѣчевой эпохи“.¹⁾ Къ числу этихъ „воздушныхъ замковъ“ Плехановъ отнесилъ прежде всего „мечты“ о захватѣ власти и о совпадѣніи ближайшей русскаго революціи съ социалистической: „связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ момента“, писалъ онъ еще раньше въ брошюрѣ „Соціализмъ и политическая борьба“, „какъ низверженіе абсолютизма и социалистическая революція, вести революціонную борьбу съ расчетомъ, что эти два момента *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества — *значитъ отдалять наступленіе и того и другого*“.²⁾

Наша революція будетъ буржуазная, говорилъ Плехановъ; отсюда онъ дѣлалъ выводъ, приведшій въ великое негодованіе Л. Тихомирова, что наша задача заключается не въ томъ, чтобы „пугать краснымъ призракомъ“ — либераловъ, а въ томъ, чтобы готовить элементы для рабочей партіи. Русская буржуазія труслива, возражали Плеханову народолюбцы. На это Плехановъ отвѣчаетъ: „что значатъ увѣренія историковъ въ томъ, что въ такой-то историческій періодъ буржуазія или, — что почти тоже самое — общество боролось въ такой-то странѣ противъ абсолютизма? Ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что буржуазія толкала и вела рабочій классъ на борьбу или, по крайней мѣрѣ, рассчитывала на его поддержку. До тѣхъ поръ, какъ ей не была обеспечена такая поддержка, она была труслива, потому что была безсилна“.³⁾ Но Плеханова, стоявшаго на точкѣ зрѣнія рабочаго класса, очень мало прельщала перспектива повторенія исторіи 48 года. „Предыдущее разсужденіе“, пишетъ онъ, „лишній разъ подтвердило ту истину, что рабочій классъ очень важенъ „для революціи“. Но социалисту нужно подумать прежде всего о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія его страны“.⁴⁾ „Наша (социалистическая, М.) интеллигенція должна стать руководителемъ движенія рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи, выяснитъ ему его политическіе и экономическіе интересы, равно какъ и взаимную связь этихъ ин-

¹⁾ См. Г. Плехановъ, Наши разногласія. 1885 г.

²⁾ Ibid стр. 2

³⁾ Ibid стр. 307.

⁴⁾ Ibid стр. 10.

тересовъ. Она должна позаботиться о томъ, чтобы еще въ доконституціонный періодъ *измѣнить фактическія отношенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса...* Она должна всѣми силами стремиться къ тому, чтобы въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи, съ опредѣленной социальнo-политической программой¹⁾ „Нужно постоянно внушать слушателямъ, что „экономическое освобожденіе есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе подчинено, какъ средство“. Усвоивши эту мысль, нашъ рабочій классъ самъ уже сумѣетъ пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакціей государственнаго социализма и экономическимъ шарлатанствомъ либеральной буржуазіи“.²⁾

Такъ двадцать лѣтъ тому назадъ Плехановъ опредѣлилъ проблему русской революціи. Плехановъ съ самаго начала начерталъ нашу національную революціонную проблему твердой рукой, съ поразительной ясностью и опредѣленностью. Но въ его книгѣ еще не было, да его и не могло быть въ то время, отвѣта на вопросъ, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, тактической. „Наши разногласія“ не указываютъ *какимъ способомъ* „еще въ доконституціонный періодъ измѣнить фактическое отношеніе русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса“, *какимъ способомъ* помочь рабочему классу „пройти между Сциллой и Харибдой“, *какимъ способомъ*, словомъ, организовать самостоятельную политическую партію пролетаріата уже теперь, до „перваго конституціоннаго періода жизни Россіи“. На этотъ вопросъ можно было отвѣтить, не рискуя властью въ утопію, только тогда, когда социалъдемократическое движеніе уже пережило свою кружковую, пропагандистскую фазу, когда социалъдемократы перешли къ массовой агитаціи. Въ это время, въ 1897 году, выступилъ Аксельродъ со своими „двумя перспективами“, которыя Ленинъ въ „Что дѣлать?“ совершенно основательно называетъ „знаменитыми“, замѣчательными по своей дальновидности. Въ своихъ брошюрахъ и постѣсловіяхъ того времени, которыя, кстати говоря, остались для огромнаго большинства тогдашнихъ россійскихъ социалъдемократическихъ работниковъ непонятными и неопѣненными, Аксельродъ предостерегалъ социалъдемократію отъ ложныхъ шаговъ и объяснялъ, *какимъ образомъ* наша социалъдемократія можетъ сложиться въ самостоятельную рабочую партію въ политическихъ рамкахъ самодержавной Россіи, *какимъ образомъ* наша социалъдемократія можетъ рѣшить задачу, которую не рѣшила еще ни одна европейская социалъдемократическая

¹⁾ Ibid. стр. 78-9. Курсивъ автора.

²⁾ Ibid. стр. 311.

рабочая партія до буржуазной революціи. Проблема русской революціи, поставленная Плехановымъ и Аксельродомъ, была основана на глубокомъ матеріалистическомъ прогнозѣ русскаго социальнo-политическаго развитія. Когда они поставили эту проблему, элементы для ея рѣшенія находились еще въ зародышѣ, они были еще *im Werden*: естественно, что русскіе социалъдемократическіе практики, отдѣленные умственной таможей отъ Западной Европы, усвоившіе марксизмъ абстрактно, въ его упрощенномъ, вульгаризированномъ видѣ, этого прогноза очень долго не поняли, что они подавались всегда впечатлѣніямъ, производимымъ фактами, случайно лежавшими на исторической поверхности, естественно, что они рѣшали очередныя задачи всегда ошупью, наполовину стихійно, и, по провіи судьбы, самый ярый врагъ стихійности—Ленинъ, въ конечномъ счетѣ тоже оказался игрушкой стихійнаго роста буржуазной демократіи. Только теперь блестяще оградальсь предсказанія Аксельрода и Плеханова, только въ послѣднее время выступили въ ясныхъ очертаніяхъ тѣ общественныя силы, появленіе которыхъ для нихъ, какъ для настоящихъ марксистовъ, было очевидно еще въ срединѣ 80 годовъ. Если уже раньше рабочее движеніе въ его элементарной формѣ заставило зашевелиться разные общественные элементы, „придавши имъ храбрость“, то въ самое послѣднее время только слѣпой будетъ отрицать, что броженіе „интеллигенціи“ и „общества“ превратилось въ политическое движеніе русской буржуазіи наканунѣ своего самоосвобожденія. Если уже раньше передовые слои русскаго пролетаріата доказали, что они способны бороться не только за свои особыя „частичныя права“, но и за демократію въ цѣломъ, за полное низверженіе самодержавія, то въ послѣднее время въ пролетаріатѣ накопилось не мало организованныхъ и неорганизованныхъ элементовъ, которые во имя этой демократіи способны ставить условія оппозиціонной и революціонной буржуазіи, способны оказывать *сознательное* давленіе на ходъ буржуазной революціи, а исторія іюльскихъ стачекъ 1903 г. доказала, что это сознательное давленіе можетъ и будетъ подкрѣпляться массовымъ народнымъ движеніемъ. Словомъ, элементы для настоящей развитой класовой борьбы пролетаріата уже существуютъ теперь въ наличности, не смотря на слабость нашей партійной организаціи.

Но, какъ разъ теперь, когда наша партія, послѣ долгихъ блужданій и шатаній можетъ, наконецъ, стать и дѣйствительно становится на твердую почву, какъ разъ теперь, когда развитіе общественной жизни помогло ей разобраться въ ея сложныхъ тактическихъ задачахъ, когда мы можемъ надѣяться, наконецъ, на сліяніе социалъдемократической теоріи съ практикой, когда мы можемъ надѣяться, что проле-

таріать встрѣтитъ революцію въ полномъ вооруженіи, какъ разъ теперь на сценѣ появляются воскресшіе „аргонавты“, которые пыжата и щитаются повернуть колесо исторіи.

Куда держать курсъ эти „аргонавты“? Этого мы еще достовѣрно не знаемъ; они еще только вывѣсили свой флагъ: „Впередъ“. Но мы знаемъ, что передъ ними могутъ быть два и только два пути.

Либо они будутъ путаться въ ногахъ у партіи, перепѣвать ея мотивы, беря то и дѣло фальшивыя ноты, стараясь изъ всѣхъ силъ *казаться* самостоятельными, чтобъ такимъ образомъ оправдать свою боевую кампанію. Въ такомъ случаѣ ихъ ждетъ судьба одного Крыловскаго „героя“.

Лягушка на лугу, увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться;
Она завистлива была
И ну топорщиться, пыхтѣть и надучаться...

Конецъ этой басни читатель, вѣроятно, помнитъ. Я долженъ однако оговориться, что я не допускаю, чтобы *вся* паши „аргонавты“ руководились мотивами крыловской лягушки. Невозможно допустить, чтобы цѣлая революціонная организація выступила въ походъ, не имѣя ничего за душой, кромѣ „зависти“.

Но въ такомъ случаѣ передъ нашими „аргонавтами“ лежитъ другой путь. Они должны поднять старое знамя Ленина — знамя „ортодоксальнаго якобинства“. Только охрана „чистоты принциповъ“ прежней полосы нашего партійнаго развитія противъ „зблужденій“ новой „Искры“, можетъ морально оправдать „аргонавтовъ“ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Все, что ленинская группа писала и дѣлала за послѣдній годъ, доказываетъ, что „аргонавты“ *именно этотъ* путь желаютъ избрать, и мы не имѣемъ основанія не относиться съ *минимъ* довѣріемъ къ ихъ словамъ.

Партія отвергла положеніе Ленина, что „якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, есть революціонный социалдемократъ“. Ленинъ, для оправданія своего похода на партію, обязанъ доказать ей, что она тѣмъ самымъ впала въ одно „зблужденіе“.

Партія отвергла якобинскую теорію Ленина объ отношеніи стихійности къ сознательности, теорію о трэджюніонизмѣ рабочаго класса, и о внесеніи социализма „только изъ внѣ“. Ленинъ, для оправданія своего похода на партію, обязанъ доказать ей, что она впала во второе „зблужденіе“.

Партія отвергла ленинскую теорію „хожденія во всѣ классы“, теорію якобинской гегемоніи и противопоставила ей теорію хожденія пролетаріата во всѣ классы, борьбу пролетаріата съ буржуазіей за вліяніе на ходъ революціи. Ленинъ

для оправданія своего похода на партію, обязанъ доказать ей, что она впала въ третье „зблужденіе“.

Партія отвергла якобинскій „организаціонный планъ“ Ленина, скопированный съ бакунистско-нечаевской Alliance de la democratie socialiste. Ленинъ для оправданія своего похода на партію, обязанъ доказать ей, что она впала въ четвертое „зблужденіе“.

Партія отвергла ленинскій планъ подготовленія возстанія, заимствованный съ нѣкоторыми модификаціями у якобинца Ткачева. Ленинъ, чтобъ оправдать свой походъ на партію, обязанъ доказать ей, что она впала въ пятое „зблужденіе“.

Партія отвергла задачу „хотя бы временнаго захвата власти“ и революціонной диктатуры въ предстоящей Россіи буржуазной революціи; партія признаетъ, что социалдемократія есть и останется партией революціонной оппозиціи вплоть до социалистической революціи. Ленинъ, чтобъ оправдать свой походъ на партію, обязанъ доказать ей, что она впала въ шестое „зблужденіе“.

Я надѣюсь, что Ленинъ не пожелаетъ трусливо увильнуть отъ выполненія своихъ моральныхъ обязательствъ, что у него хватитъ смѣлости сражаться съ открытымъ забраломъ, что онъ докажетъ, что по всѣмъ этимъ вопросамъ правъ былъ онъ соредаторъ старой „Искры“, авторъ „Съ чего начать?“, „Что дѣлать?“, „Письма къ товарищу“, и „Шагъ впередъ, два шага назадъ“. Онъ обязанъ это сдѣлать, потому что, кромѣ указанныхъ шести пунктовъ, никакихъ разногласій у современной редакціи „Искры“ съ Ленинымъ нѣтъ, потому что, кромѣ указанныхъ шести пунктовъ, все, что говорилъ Ленинъ, говорили всегда другіе члены „Искры“, потому что, кромѣ этихъ пунктовъ, никакихъ препятствій для тѣсной совмѣстной работы Ленина и настоящихъ партійныхъ центровъ нѣтъ.

Но если мы не сомнѣваемся, что Ленинъ и прочіе „аргонавты“ субъективно оправдаютъ свое поведеніе, то это насъ не можетъ удержать отъ *объективной* опѣнки этого поведенія.

Объективная же цѣнность ленинской тактики въ настоящей моментъ, еслибъ она дѣйствительно нашла себѣ откликъ, заключалась бы въ томъ, что она отвлекла бы пролетаріатъ отъ его настоящей революціонной задачи, и увлекла бы его разными заманчивыми призраками на путь приключеній, въ результатъ которыхъ онъ послѣ революціи очутился бы вновь у стараго разбитаго корыта.

Еслибъ воскресшіе „аргонавты“ послѣдовательно проводили въ настоящее время ленинскую тактику, то *объективно* они сыграли бы роль *сознательныхъ или безсознательныхъ политическихъ авантюристовъ*. Еслибъ они пошли по этому пути, то

мнѣ не нужно было бы для ихъ оцѣнки прибавить ни одного слова къ тому, что Марксъ сказалъ по адресу фракціи Виллиха-Шаппера, отдѣлившейся въ 48 году отъ Коммунистическаго Союза: „Союзъ коммунистовъ былъ не заговорщическое общество, а общество, которое тайно занималось организаціей пролетарской партіи... Само собой разумѣется, что такое тайное общество, которое ставитъ себѣ цѣлью образование не правительственной, а оппозиціонной партіи будущаго, представляетъ мало привлекательнаго для тѣхъ господъ, которые, съ одной стороны, скрываютъ свое ничтожество подъ театральнѣйшей мантией конспираціи, съ другой стороны, удовлетворяютъ свое ограниченное честолюбіе въ первый день ближайшей революціи, для которыхъ на первомъ планѣ важно играть роль въ данную минуту, получить долю изъ демагогической добычи и быть привѣтствованными демократическими базарными крикунами“¹⁾).

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Глава 1. Въсто предисловія. Ортодоксальное якобинство. Примиреніе Энгельса съ Ткачевымъ	3
„ 2. Диктатура общественнаго спасенія. Спасители буржуазнаго общества — санкюлоты становятся его врагами.	16
„ 3. Гора и Жиронда. Якобинцы въ оппозиціи. Якобинцы у власти.	26
„ 4. Отъ народнаго самодержавія къ цезаризму	40
„ 5. Диктатура пролетаріата и диктатура санкюлотовъ. Соціалдемократы и якобинцы. Историческій улюлюканіе	48
„ 6. Національная проблема русскаго пролетаріата	55

¹⁾ См. К. Marx. Enthüllungen über d. Kommunisten-Prozess zu Köln. s. 55, 56.